

Расшифровка интервью

Дата: 11.11.2023

00:00:02

Я самая младшая в семье была и мало что знаю, но что знаю, что бабушка моя, полька, вот Юлия Станиславовна, а дедушка, он жил в Ленинграде, в Петрограде тогда и на каком-то заводе работал, но была эпидемия какая-то, и многих работников этого завода отправили... На баржу посадили и отправили. Он добрался до Бийска, там осел, потом выучился, стал горным техником, долго очень работал там. А бабушка, она преподавала, преподаватель была. Вот о бабушке и дедушке мало что знаю.

00:01:15

А преподавала что?

Я не знаю, но, по-моему, русский язык, литературу, потому что книг дома было очень много и бабушка очень хорошо писала, читала.

00:01:35

Это родители вашей мамы или папы?

Родители моей мамы.

00:01:46

Знаете ли вы что-то о родителях вашего папы?

О папе вообще очень много не рассказывали, и я мало что знала. Так вот, что маленькая была, влезу куда-нибудь, то, что услышу. Но поняла, что папа был или болгарин, или гагауз, непонятно кто. Вот позже уже потом брат мой, как он познакомился с ним, я не знаю, с двоюродным братом своим, гагаузом. И вот где-то я даже находила листик такой бумажки, там всё, сколько было там много детей. Там были прадеды, бабушка. Мама рассказывала, что видела фотографии у отца, что бабушка была в Греции, в плену там, и курила трубку какую-то. Экзотическое всё такое. А я маленькая, я мало что понимала, мало знала о папе, мало. Всё, наверное, больше ничего не знаю. А о маме... Мама, она в педучилище, наверное, училась. Дедушка был горным техником и очень много писал научных статей, и мама ему печатала на машинке. Очень хорошо образована в смысле грамотности и ловкости работы с машинкой. Она ему помогала работать. Всё. А нигде не училась потом. Когда я родилась, мама не работала. Вот отец работал хорошо, зарабатывал хорошо, и мама не работала, она занималась только сыном. Вот и всё, к сожалению.

00:04:38

А мама родилась где?

Мама родилась на прииске Неожиданном в Алтайском крае. Там дедушка работал, ну вот горным техником работал, они там жили, и мама там родилась.

00:05:04

Где ваш папа родился? Где он рос?

Мне... Я тогда не слышала ничего о папе, только знали, что папа вроде из Болгарии. И где, и как рос, ничего не слышала. Мама потом позже уже немного... Уже даже я была взрослая, мне было, наверное, года три или где-то чуть ли не пять, слышала уже, что у папы был дядя. Он тоже работал по сельхоз... Но его тоже репрессировали. И он работал... Ну как-то я не знаю, про дядю я не знаю ничего, хотя я его видела, я была у него в гостях. Он работал в Кемерово, по-моему, где-то вот по этой линии кемеровской. Он работал в институте, в зерно-каком-то там. Не знаю. Сказать не могу. Сейчас не запомнила, не знаю. Работал он... Он был... Даже мама рассказывала, что он приезжал к нам в Бийск, мы из Бийска, и даже с пистолетом приезжал, вот уже репрессированный, но ему как-то вот так получалось, что он приезжал в гости. Однажды или раза два всего к маме. Но отца уже не было.

00:07:12

А пистолет у него откуда был?

Не знаю, не говорили при мне. Я не запомнила. Вот только что какие крохи от мамы слышала или при разговоре. Может быть, это и не так было, но по моим понятиям вот так. К сожалению.

00:07:37

С какого момента вы что-то знаете про папу? Может быть, как он появился уже в России? Где он учился? Какую профессию получил и кем работал? Расскажите всё, что вы знаете.

Я вот знала, ну, слышала, что отец был старший сын в семье и учился он сначала в каком-то училище, в таком, ну, типа гимназии. Потом подрос, и его отец, мой дед, отправил... Сейчас вспомню, куда его отправили. Куда-то за границу. Он там... Вот по бумагам, я и бумаги-то сейчас смотрела, но уже не помню, где-то он там учился, но было очень сложно, и он проучился там года два, наверное, и бросил учебу, потому что не на что было жить, и он устроился... Как это называется-то. К какому-то чеху или... Забыла. Ну, короче, в сельской местности батраком работал. А потом пришло ему извещение от деда, который дедушка Дамиан Георгиевич, он тоже репрессированный был. А отец еще, когда учился в гимназии или где-то там в институте, я точно не знаю, он вступил в какое-то общество детей, друзей России, что ли, дети, было, я не знаю. Хотела сказать что-то и забыла, про отца.

00:09:55

А вот в это общество он вступил, это чем занималось общество?

Просто друзей такое общество, несерьезное, как я поняла.

00:10:11

Вы сказали, что от деда пришло какое-то извещение.

А. Да-да. Ему пришло письмо и вызов в Россию. Тем более что он уже как-то с россиянами общался, и он вызвал его в Россию. Отец приехал. И он за границей два года учился в высшем учебном заведении, и он поступил на второй, на второй, по-моему, курс в сельхозакадемию. Закончил эту сельхозакадемию, и после окончания, когда получал диплом, ему пришло распределение в город Бийск. Отцу.

00:11:10

А я вот еще хотела уточнить. Вы сказали, что пришло письмо от деда. То есть дед был в России? Отец вашего папы?

Дед. Это дядя.

00:11:25

А, дядя.

Дядя. Ну, они, видимо, переписывались. Я не в курсе.

00:11:36

Это вот тот самый дядя, который потом, вы сказали, что приезжал с пистолетом к вам, да?

Да, да, да. Репрессированный. Ну, я вот тоже не знаю. Это мама мне как-то вот... Тоже кому-то рассказывала, а я рот открывала, слушала. Вот запомнила, маленькая была, лет пять, наверное, было мне, я деда. А потом я подросла, уже в школе училась, наверное, в классе восьмом, может быть, девятом. Она меня, мама, посылала вот туда, я забыла только это место, к дяде вот к этому. Он хорошо меня там принял, он и бабушка. Бабушка передала мне альбом. У нее было два сына, у Дамиана Георгиевича, Борис и Владимир. Борис вырос, выучился, стал горным инженером и работал на Алдане в этом, ну, на Севере у нас. А Володя погиб во время войны. Бабушка очень переживала и отдала мне его детский альбом, где он рисовал, и говорит: «Я отдам тебе, а ты мне скажешь, что ты возьмешь и сохранишь». Я говорю: «Да». И вот у меня этот альбом хранится. Муж на меня всё: «Ну что ты его всё смотришь и смотришь?» Я говорю: «Бабушка мне его дала на сохранность, я его смотрю». Даже могу показать. Ну, просто вот такой детский альбомчик, где он рисовал, Володя, всё, что хотел. А мама хранила, тем более что он потом погиб, очень... И говорит, что «сохрани память о Володе», что что-то сохранится. И я вот храню уже очень долго, очень долго. Мне было, наверное, лет 14, может быть, уже было, я взрослая была, ну, может, помельче маленько. Я всё время храню, иногда просматриваю.

00:14:16	А покажите ваш любимый рисунок оттуда. Какой вам больше всего нравится? Кто? Из рисунков?
00:14:24	Любимый рисунок ваш оттуда. Отсюда? Где-то было, он... Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас. У меня брат двоюродный. Вот меня такие рисунки интересуют. Где-то еще один такой же есть здесь, по-моему. Вот лошади всё. Вот это меня интересовало. Вот видите, как он рисовал? Вот этот дядя Володя. А дядя Боря, мне они дяди, дядя Боря работал директором какой-то обогатительной фабрики, что ли, на Дальнем Востоке, в Магаданской области. Он, видимо, уже когда отработал положенное время, уехал на пенсию, уехал в Москву и там погиб по несчастному случаю, там погиб.
00:15:44	А чем занимался Дамиан Георгиевич? А?
00:15:47	Дамиан Георгиевич чем занимался? Дамиан Георгиевич? Он выращивал... Вот тоже у меня была, мама всё куда-то ее прятала-прятала, брошюра такая. Он выращивал зерновые и занимался улучшением сорта кукурузы для Сибири. Вот пока он был жив, работал. Очень много там... Еще о нем можно сказать?
00:16:32	Да. Я не помню, когда, год... Дядя... Умер Хрущев, ой, Сталин, и прошла вот эта вроде реабилитация, что ли. И когда его... В честь его имени назвали какой-то сорт кукурузы. И он пришел домой, стал снимать пальто и умер, его сердце не выдержало, и вот он погиб так. Очень жалко. Хороший был человек.
00:17:24	А вот у него такое имя интересное. Он был грек? А?
00:17:28	Дамиан Георгиевич, у него имя интересное, он был по национальности кто? Вот как я нечаянно увидела листок у своего брата, он его, видимо, где-то вместе с этим выбросил, они считали себя гагаузами. Вот национальность гагауз. И весь вот этот район, где они жили и сейчас живут, называют Гагаузией. Интересно, что они почти все с высшим образованием.
00:18:11	А почему, вы не знаете? А?
00:18:13	Почему, вы не знаете? Почему с высшим образованием? Просто там у них более старшее поколение с высшим образованием, учились, и дети учились все, и сейчас все учатся. Образование для них было характерно.
00:18:38	Просто еще интересно, как попал ваш дядя в Бийск, на Алтай, в Сибирь? Как он попал? Понятия не имею. Совершенно.

- 00:18:50 **Но получается, в какой-то момент он вызывает вашего папу из Европы, и ваш папа приезжает к нему, да?**
- Да, да, да.
- 00:19:05 **И вот расскажите.**
- В Омске они были. В Омск.
- 00:19:09 **А вы сказали, что ваш дядя жил в Бийске.**
- Нет. Дедушка работал там сначала, давно, когда вызывал отца, он работал в Омске в какой-то академии, вот как раз куда он отца и вызывал. Отец там учился. Отец получил там диплом, был направлен в Бийск.
- 00:19:41 **Получается, ваш папа учился в Омске...**
- В сельхозакадемии.
- 00:19:48 **Какую специализацию он получил?**
- Не поняла.
- 00:19:54 **Кто он стал по профессии? Какую специализацию он получил?**
- Он стал... Как это... Я не знаю точно. Землеустроителем он был, инженер-землеустроитель. Это когда началось такое, что в России передавали землю в пользование жителям деревень в основном, вот он делил участки. Но участки были как? Вот один где-то живет в лесу, а один в поле где-то дом, допустим, семья какая-то, и всем неудобно. Здесь лес, там поле. Короче, когда он приезжал делить участки, местные жители просили: «Вы нам разделите вот так, чтобы можно было и что-то садить, что-то это, и за грибами сходить». И он так и делил. Мне, кстати, вот я ходила когда, всё искала, его работы смотрела, попала там, мне показали такой большой лист бумаги, там, значит, вот эта местность, и показали, кто занимался этим, какие были разные. А его, ему внедрили вот это вот, ну как это назвать-то? Что он занимался чересполосицей, они так называли. И за это его... Что это вредительство, что так нельзя делать. А потом узаконено после этого уже было, что нужно делить именно так, как он делил.
- 00:22:21 **А вот вы что-то знаете о том, почему он начал так делить? Потому что люди его просто просили? Ну то есть он откликался на просьбы или он просто сам считал так правильным?**
- Он тоже так считал, и там ведь как? Там еще было и руководство местное, они тоже просили его, чтобы разделить так, чтобы людям было одинаково. Он так и делал, как просили, так и делал. Вообще, вот эта вот земля — это такое дело, дележка земли. Я потом работала уже, когда подросла, еще не училась нигде, работала в горкомхозе. Там меня помнят. Мне приходилось тоже выходить на дело, как там, забыла, как уже называют, делить участки, были разделы вот эти. И сколько было споров много! А потом вдруг сказали, кто-то выступил, что он занимается, никакой ему прибыли от этого не было, только лишняя работа. Но кому-то это не понравилось. А так была чересполосица.
- 00:24:11 **Вот те люди, те хозяева земли, которым он делил участки, они были довольны его работой или тоже было много споров?**
- Нет, не было. Я про споры не слышала, как просили люди, он так и делал. Ссор там не было. Ну это нормально, в общем-то, я считаю.
- 00:24:40 **Вы говорите, что, когда вы этим занимались, вы столкнулись с тем, что этот процесс**

вызывает много споров.

Да, но это уже когда в городе живут и у каждого свой дом и свой участок. Если где-то изгородь упала и сосед поднял и часть земли взял, то это уже считалось плохо. А мне приходилось выходить и участки эти восстанавливать, картину.

00:25:28

Каким ваш был папа? Что вам рассказывали про него ваша мама и ваш брат, который, наверное, его помнит? Каким он был?

Начнем с брата. Я говорю: «Шурик, — я была такая настырная, — Шурик, расскажи про папу». — «Отстань, я не знаю. Я был маленький». Ему было шесть лет. Мы так не это... Вот в этом плане было. А мама рассказывала мне много хорошего. Когда я родилась, папа забирал меня из роддома, шли они где-то. Эту сцену я запомнила на всю жизнь, что встретились, даже фамилию запомнила, кто, он открыл, говорит: «Ты посмотри, какая у меня дочка красавица». Мама мне рассказывала это. Я, конечно, думала: ой, папа! Я всю жизнь жила с этим названием — дочка-красавица. Я всю жизнь вспоминала отца. Самый близкий человек у меня был отец.

00:27:00

При том, что вы его ни разу не видели?

Никогда. А он меня видел маленькой, когда я была совсем-совсем маленькой. Он меня даже двухмесячную не видел, он видел только, когда я пришла из роддома. Вот такая [история].

00:27:25

Что еще мама рассказывала о нем?

Мама считала, что я еще маленькая и мне не надо знать. Я думаю, что, наверное, она просто загруженная была всегда, ей было не до рассказов. Но всегда всё только хорошее.

00:27:56

Как вы думаете, она любила его?

Да, очень. Очень любила. И она очень тщательно собирала. Я уже потом из ее воспоминаний, что подходил срок, когда его арестовали, после меня, когда я уже была, она всё собирала посылки, и к ней иногда, наверное, двое мужчин заезжали. Их освободили на Колыме, и они ехали мимо и заходили к маме. И передавали ему записочки. Мама говорит, прямо показывала, вот такая, такусенькая записочка, потому что, не дай бог, у него где-то найдут эту записку, ему тоже будет плохо. Вот про двух мужчин рассказывала, что он всё время вспоминал жену. И мама регулярно, каждый месяц. Только когда что-то там произошло, не стали принимать посылки на его имя. Я в этом не могла разобраться тогда. Я вообще ничего не понимала, я не могла понять. Мне нужен был папа. И вот как-то так сложилось, я уже была взросленькая, лет пять, может быть, вот здесь, где-то лет до пяти, наверное, я начинала вдруг дома говорить: «Папа, папа». Хожу за мамой и говорю: «Папа, папа, папа, папа». Просто. Мама сразу — раз: «Ой, наверное, принесут...» Как это ее? Вызов в НКВД. Вот как-то он называется, этот вызов, назывался. И начинает собираться. И точно. Мне стоит прокричать — мама начинает собираться, и нам в окно стучат. Забыла, как эта справка называется. Дают ей вот это в НКВД. Мама берет меня, еще на руках тогда таскала, и мы с ней ходили в НКВД. Такое здание приземистое, до сих пор в Бийске существует. С братом у нас не... Это было НКВД. А он говорит: «Нет, это была школа». Я говорю: «Ну и ладно, пусть будет школа». И такая вот комната была, такая комната большая, спиной сидит кто-то за столом, а мы тут с мамой около двери, она меня сажает на этот стол, меня никто не гонит, потому что тяжело, я уже большенькая была. И начинают с ней разговаривать. О чем говорили, я совершенно не понимала, я только знала, что папа где-то здесь. И всё. Вот «папа, папа, папа, папа». И так мы долго с ней ходили. И последний, я помню, последний поход. Мы с мамой ходили туда, что-то она очень сильно плакала. Конечно, она мне не объясняла, что там с папой с моим. И когда вышли, там напротив НКВД так вот улица широкая в Бийске. И вдруг какой-то бросается под ноги матери мужик, но мне как показалось, такой сильно страшный, весь черный, с бородой, хватает ее за ноги и плачет. Плачет и причитает: «Евгения и Константиновна, простите, простите, простите». Оказывается, он, когда были они там на полевых работах, и кто-то, у кого-то был день рождения, они, как водится на Руси, сели за стол, выпили. Отец не пил. Он говорит: «Я не пью». Один подходит вот этот вот, значит, я как поняла, его по коленке шлепает. «Ты, — говорит, — у нас вообще темная личность, Ежик». Его почему-то звали Ежиком между собой. «Тебя, — говорит, — надо проверить». Говорит: «Ну ладно. Я пошел». Он пошел домой, вышел, а сзади подошли, по плечу постучали, сказали: «Руки назад. Ремень снять». И куда-то увели его. Все это знали. Я помню как... Это я помню очень хорошо, что

касается отца, я всё очень хорошо помнила. Когда приехали, они, значит, куда-то, закончилось у них там, они приехали в Бийск и пошли. Много пошло. Несколько человек пошли в какой-то там... Ну, куда-то пошли. И говорят: «Да мы пошутили. Вы зачем его вроде арестовали?» А им сказали, говорит: «Хотите? Вот можете вместе с ним быть». Все развернулись и ушли. Всё. И оставили отца в покое там. А дальше я слышала, как с ним обращались. Очень переживали.

00:34:44

Мы еще к этому вернемся, к подробностям дальше его заключения. Я хотела немножко вернуться, отмотать назад. Историю ваших родителей. Как они познакомились? Что-нибудь вы знаете про это?

Как познакомились? Ничего не знаю. Ничего.

00:35:13

То есть мама ничего не рассказывала?

Я вам говорю, что я считалась... Вообще, в нашей семье две женщины, у них по двое детей, они живут одной семьей, обе. Все. Но я вот там совсем маленькая была. У меня был друг из этой семьи. Брат. Он был старше меня, младше моего брата. Двоюродный брат. Он был младше моего года на два, наверное, значит, меня где-то года на четыре, наверное, был старше. И он всегда как-то за меня заступался вот в этой семье в нашей дружной такой. Всё. Ничего больше не помню.

00:36:10

Хорошо. А что-то мама еще рассказывала? Может быть, от брата вы слышали? Вот как они жили? Через сколько у них появился ребенок после того, как они поженились или встретились? Вот какие-то подробности. Как они жили?

Я ничего даже не могу сказать. Никогда при мне ни о чем не рассказывали.

00:36:38

Мама работала, когда она вышла замуж?

Нет. Нет, не работала. Она помогала дедушке, дедушка был горным техником, и он очень много ездил по Горному Алтаю и занимался ископаемыми, я не знаю, горными... Он вообще-то выполнял горно-инженерную какую-то миссию в Бийске. И не знаю... Ничего. Вот мама, единственное, что когда он вел, приносил какие-то из экспедиции и уезжал, даже дома сохранились такие ящики два. Два ящика, они немножко... Ну вот просто ящик такой, и он немножко выпуклый такой внутри. Это вьючные, оказывается, на лошадях возил он, он в этих ящиках возил горную породу из тайги, значит, сюда. Когда он вот это всё обрабатывал, писал, и мама ему печатала. Она была очень грамотная, очень грамотная, и без ошибок, и всё, и очень хорошо, быстро печатала. И ее вот это даже выручило в конце концов, когда отец уже был арестован.

00:38:22

А где жила семья ваших родителей, ваша семья? Ну, это в Бийске, это был какой-то частный дом? Вы что-то помните про этот дом, где они жили?

Вот я помню дом бабушки с дедушкой, но дедушки, уже я его не застала, бабушку только. Большой такой, как у нас там называли, пятистенный, большой дом. Где-то даже фотография была, Настя мне, что-ли, показывала, вот этого дома, на углу дома. Улица Горького и переулок какой-то. Я очень хорошо там помню. Мы даже еще маленькие лазили. Я уже была взрослая тогда девушка, мне года три было, наверное, где-то, может, ну да. Мы с другом у соседей огурцы хотели воровать. Такие там были, огурцов у нас не было, а мы палочками их там сгребали. Знакомые были хорошие очень и как-то относились к матери, что она жена репрессированного, очень хорошо. Никто, никто резко не относился, как-то по-человечески относились. Даже я помню, что приносили ей работу печатать. Машинка была дедовская, и вот она там печатала на машинке, ей за это платили.

00:40:33

А как вы думаете, почему было такое отношение хорошее?

Семья считалась очень хорошей. Дед, бабушка очень такая справедливая, честная. Наверное, поэтому, я так думаю. И соседи были неплохие люди. Вот так. Дед даже одно время, мама говорит, один год, он даже был избран главой Бийска, но ему это не нравилось, и он кое-как от

этого отошел. Кто-то там был, другого выбрали главу для Бийска.

00:41:26

А вот вы говорите, что деда вы не помните, он в каком году умер?

Не поняла.

00:41:32

Вы говорите, что деда не застали. Он в каком году умер?

Я не помню даже год. Мне стыдно, конечно, но я не помню. Дедушку я уже не застала.

00:41:45

То есть, скорее всего, он не застал арест вашего отца?

Нет, он застал отца. Они были знакомы, он очень хорошо к нему относился. И отец к нему, к дедушке, очень хорошо относился. Очень хорошо.

00:42:06

Получается, ваши родители жили в доме отца и мамы мамы?

Да, да, да.

00:42:19

Еще хочу назад вернуться немножко. Что вы знаете о политических взглядах ваших родителей, вашего папы, вашей мамы? Какие у них были убеждения? Всё-таки их молодость, юность пришлась на вот эти революционные годы. Что вы знаете об их отношении к этим событиям?

Я не знаю к ним, но мама была очень верующей. Наша семья, как я помню, я называю по инерции «наша семья» бабушку свою и всех, у нас очень верующие люди такие, честные, они верили в Бога. Очень большая была коллекция икон. Потом всё это, конечно, реализовалось, чтобы выжить. Я видела, в одной избушке монашки жили, случайно увидела, зашла, увидела и говорю: «О, так это бабушкина икона, это мамина икона». Вот так. Нормальное отношение. Как отец к этому относился, я не знаю. Мне кажется, нормально.

00:44:00

Интересно, как семья вашей мамы относилась, ее родители, к революции, к тому, что, в общем, за веру стали преследовать. Вы знаете что-то про это?

Нет, не знаю. Нет. Деда выбрали тогда, как это называлось-то, глава города Бийска, как честного человека. Он так не хотел этот год, когда его выбрали, поставили на этот пост, работать, он хотел работать там, а не так. Но честные, честные люди, просто честные люди и всё.

00:44:51

То есть его хотели выбрать уже после революции, да? Это было после?

Да, да, да. Это уже после было. Вот так жизнь прошла.

00:45:09

Давайте еще вернемся к аресту вашего отца. Что это было за время года? Какие еще подробности вы про это знаете? То есть когда это случилось? Давайте определимся в дате.

О чем?

00:45:36

Арест отца.

А, арест? Не знаю. Я не знаю.

00:45:46

Ну то есть...

Я даже и подслушать не могла, маленькая. Я тогда, арест, это я совсем маленькая была. Мне было два месяца, когда я была. А потом это всё возвращалось. Единственное, что знаю, в семье был запрет: никогда нельзя говорить, что папа не дома. Даже такой был момент у нас. Я всё время слышала СибВО, что папу забрали в СибВО. Ну, СибВО, СибВО. И как-то я однажды каталась на лыжах с братом, брат меня катал, я шла домой. Одежда у меня была со старшего двоюродного брата, была вся в снегу, конечно. Иду — и стоит женщина ворот, недалеко, через дом от нас. И говорит: «О, какой Филиппок». Я говорю: «Я не Филиппок, я Юленька». — «Юленька, да? А кто у тебя папа?» Я говорю: «А про папу говорить нельзя, он взят в СибВО». — «Да?» Я вот эти вот сочетания на всю жизнь запомнила. «Да? А что? А кто она у тебя?» Я говорю: «Я не знаю. Мама хорошо печатает». — «Да? А ты ее завтра приведи». Я привела маму. Мама сначала за сердце схватилась, потом говорит: «Ну ладно». Пошла. Пришла, через какой-то промежуток пришла, идет. И я всю жизнь запомнила свою маму. Мама идет и несет двумя руками вот так вот кулек. Вот сейчас продают крупу в таких кулках, килограмм. Идет, плачет, конечно, и говорит: «Юленька, ты нас спасла». Потому что ее приняли на работу. У нее отец, муж, нет, запуталась. Это была стройка. Никто не подскажет. Чуйский тракт строили, Чуйский тракт. И там много было рабочих всяких. А ее сын был начальником продснаба этой стройки, и он ее принял на работу. Ну, говорит, я потом слышала, что... «Я вот вам буду диктовать, а вы печатайте». Вот он ей продиктовал что-то, она напечатала с его слов, и ее приняли на работу. Это было первое принятие на работу мамы, ее нигде не принимали.

00:49:21

То есть вы, получается, ее рекомендовали?

Ну, получилось так. И меня мама почему-то не заругала, а пошла к той женщине. Ну, надо как-то ребенка выручать, наверное. Вот очень хорошо. И потом, когда ее приняли туда, она проработала там несколько лет. А муж, ой, муж, говорю, директор-то вот этого предприятия, он уже там закончил вроде работу и отправлялся. Но мама там уволилась, но ее стали брать на работу. Я вот помню, потом она работала уже, уже не выгоняли, короче, с работы. Сначала-то было очень сложно, даже на работу ее не брали. Про работу мамину. Маму как-то взяли на работу. У нас там был завод литейный, лили, знаете, металлические колеса всякие, что-то, в землю. И такой запах там был ужасный. Меня девать некуда, маленькая была, я еще совсем маленькая была, ни садика, ничего нельзя, и дома оставить нельзя. И она меня брала с собой. И вот мы, значит, шли с ней. Там берег реки, в Бийске, а завод стоит прямо у самой воды. И мост через речку, и мы шли-шли с мамой, мама села и говорит: «Юленька, давай посидим». Мы сидим. Идет женщина. Стыдно сказать, но я расскажу. Несет хлеб, булку. И мама попросила у нее кусочек хлеба и говорит: «Юленька, — плачет, — я не могу тебе его отдать, я иначе упаду». Я ничего, я сижу. Она говорит, съела она: «Пойдем?» — «Пойдем». Мы с ней идем. А она прорыла под забор этого предприятия нору. Значит, оставила меня около этой норы, зашла там, забрала туда. И всё. И мы там с ней и работаем. Вот работали-работали. Я там играла, песочек из этой отходной земли. А мама упала в обморок. Вот тут я, конечно, заорала. Маму обнаружили. Забрали маму к директору, вызвали скорую. Ну, привели маму в чувство. Но маме сказали, что «мы вас не можем держать, мы не имеем права». Маму уволили.

00:52:51

Получается, для чего она рыла эту нору?

А?

00:52:56

Для чего она рыла эту нору?

Чтобы меня таскать туда. Меня же через проходную нельзя вести, а она меня туда затащит, потом, когда идет с работы, она меня вытаскивает оттуда, и мы идем домой. Я тоже работала.

00:53:17

То есть вас было не с кем оставить? Почему она вас туда-сюда?

Ну, она не могла через проходную меня провести и за воротами не оставить.

00:53:30

Нет-нет, почему она вас брала на работу? Почему она брала на работу?

А оставить не с кем было. Я одна. Все ушли. Братья уже, видимо, в школе были или где-то, я не знаю. Я как-то сильно не... В семье не вживалась, наверное, в семью. Так, что ли? Была самая маленькая. Вроде не крикливая была, не жаловалась.

00:54:07

Юлия Георгиевна, а сколько вам тогда было лет, когда эта история с норой случилась?

Ну, я думаю, так вот по себе думаю, как... Уже, наверное, большенькая, лет пять уже, наверное, может быть.

00:54:27

Хотела еще раз вернуться ко времени ареста вашего отца. У вас был брат старший. Сколько ему было тогда лет?

Ему было шесть лет.

00:54:47

А давайте назовем его, потому что мы еще не знаем, как его зовут.

Угу. Александр Георгиевич. Вот Шурик, Шурик у нас был. Его отца арестовали. Вот он мне потом, Шурик, как-то так же в беседе с кем-то, разговаривал. «Я, — говорит, — помню, как отца арестовали». А это было восьмое сентября, по-моему. Нет, я путаю с этим... Какой-то праздник ноябрьский. Что у нас там было?

00:54:34

Вот вы мне сказали, 5 ноября его арестовали.

Да, да, да, да, 5-го. И вот после этого все ушли. Шурик говорит: «Ушли все, а меня поставили на тумбочку, на табуретку. Я стихи рассказывал. “Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство”». Только ушли, он забрался на этот стул, и все почему-то плакали. Как он вспоминает. Это он вспоминает.

00:56:15

А в смысле, я не поняла, все ушли. Кто ушел?

Те, кто арестовывали, арестовывали. Как я поняла, что приходили из полиции, были там соседи еще с одной стороны дома, с другой стороны дома. Соседи приходили. Ну, как понятые, наверное, обращались.

00:56:51

Я так поняла, что его арестовали где-то на улице.

Отца?

00:56:56

Да.

Отца там, да, арестовали где-то. Не дома.

00:57:03

А приходили тогда зачем?

Это с обыском приходили, я понимаю, 5-го или какого-то. Какой-то праздник был в ноябре. Какой у нас там был, я уже забыла.

00:57:18

Вообще-то, наверное, это годовщина революции, 7 ноября.

Наверное, да. Вот, вот, вот, вот. Да.

00:57:30

А что вы еще знаете про этот обыск? Как это было? Что вам рассказывали?

Ну, плакала мама, что все документы забрали отца, все фотографии, всё. Всё забрали. А то, что вернули ему потом, там какие-то крохи, я не знаю. Всё, все документы забрали у него.

00:57:58

А как это было? Сколько людей пришло в дом? Долго ли они занимались обыском?

Какие подробности обыска вы знаете?

Я не знаю, в общем-то, но я представляю как. Жили... Общий дом, у нас общий был, помещение для нашей личной семьи маленькое было, поэтому, наверное... Я даже не знаю, что там... Что там могли? Ну, вытрясли, наверное всё-всё. А Шурик видел, но никогда не вспоминал, не рассказывал.

00:58:48

Ну, получается, ведь родители вашей мамы тоже, наверное, были тогда дома?

Дедушки уже не было, а бабушка была. И как-то это... Бабушка плакала очень, жалела отца. Потом как-то уже... Я не знаю, каким-то образом отец написал маленькую записочку и там извинялся, что... Я не знаю, какая-то у них была недомолвка в своих отношениях. Говорит: «Простите меня». Не знаю. Не буду, врать не буду.

00:59:41

А как, интересно, узнала ваша мама? То есть вообще все как узнали, что его арестовали?

Не знаю. Единственное, что плакала мама.

01:00:00

Плакала всё время или как?

Да нет. Приступы такие, плакала. А потом уже — это вот, наверное, момент был ареста, — а потом она уже до такой степени всё привыкла, эти походы в НКВД, уже не плакала.

01:00:27

Что еще вам Шурик рассказывал?

Ничего.

01:00:35

Неужели только один эпизод с этим стишком?

Ничего не рассказывал.

01:00:44

А как они жили после ареста отца?

У него был друг, у Шурика. Но он уже большенький был тогда. Вот когда я уже помню, это уже мне лет было не знаю сколько. Много, наверное. У него был друг очень хороший. Он жил вместе с мамой напротив дома, и он всё время проводил с ним. Они занимались... Вот друг у него собирал марки, значки, они увлекались этим делом. Он так и до самых последних дней всё собирал. Вон у меня даже баночки из-под чая. «Ты баночки из-под чая не выбрасывай. У меня, может быть, такой нет».

01:01:52

Он собирал баночки из-под чая?

Они всё собирали, монеты собирали, значки собирали, всякие баночки. Что только не собирали!

01:02:12

А что еще вы знаете? Как жила мама с двумя маленькими детьми, оставшись одна уже?

Жили, потом как-то незаметно Шурик вырос, стал взрослый. Подошла уже и выпуск тут же. Шурик всё интересовался камнями. У дедушки большие были коллекции минералов, которые он собирал по Горному Алтаю, много-много всяких. Я вот запомнила, до сих пор помню ее, такая квадратная большая короба, там много-много так вот, прямо чуть ли не такой величины отделения. И номера такие, пронумерованные. И к ним целая тетрадь, опись, что это такое. Вот эту коллекцию Шурик подарил нашему учителю географии. Я до сих пор жалею. Я говорю: «Ну хоть бы что-нибудь от деда оставил».

01:03:58	А до какого года вы жили в том доме? Я не могу даже вам подсказать.
01:04:05	Ну, примерно. Недолго. Я вот... Если бы знать, когда умерла тетя Зина... Там тоже еще сестра материна жила, тоже в маленькой комнатке такой. И после этого... После этого получили... Мы ушли, видимо, на квартиру какую-то. Там я, зима была, там я немножко травмировалась. Потом стали... Жили на квартире там, в Бийске, это улица Горького. Вот этот был другой уже угловой дом, на Чуйском тракте и на улице Горького. Он достался матери и тете по наследству от... Умер... Сестра бабушки была замужем за алтайцем, за нашим, а он там был каким-то, ну, занимал большой пост в Горном Алтае. И он умер, и она умерла. И этот дом остался ничей, и им, маме и тете Наде, он достался как в наследство, и они там стали жить. Ну, какое-то время жили в этом доме.
01:06:05	А вы себя с какого возраста помните? Ой, я даже не знаю. Вот когда «Филиппок» была, ну, сколько мне было лет? Я не знаю.
01:06:26	То есть это было самое раннее ваше воспоминание? Или есть какие-то?.. Да. Нет, самое раннее.
01:06:33	Вы помните вот этот отчий дом ваш? Что-то в нем помните? Нет. Я вот только... Где первый был домик, там, где бабушкин еще домик, я там себя тоже помнила уже. Я помню даже, мы с другом огурчики хотели вытащить из-под ограды. Но сколько мне было лет, я даже не знаю. Я уже разговаривала, уже взрослая, по-моему, была. Сколько лет, не знаю. Трудно определить. Ну, в школу во сколько брали? Лет в семь? Значит, мне было не больше пяти лет, поменьше. До пяти лет.
01:07:41	А вот был ли при этом доме какой-то огород? Сажала ли что-то ваша мама? Выращивала? Огород был. Небольшой огородик, но ни мама, ни тетя Надя — там же две семьи существовало — ничего не делали. Работали и работали. Ничего не выращивали. [Показывает фото] Здесь изображены мой отец, мама, ее сестра, мамина. Пальцы у меня длинные. Мамина сестра и ее муж. Я даже не знаю, Петр Станиславович он. Сейчас вспомню фамилию. Нет, не вспомню. Баба Надя даже... Разошлась с ним, убежала от него. Он очень был... Сдобников. Петр Станиславович Сдобников. Это Георгий Михайлович Башков. Это Евгения Константиновна Башкова и Надежда Константиновна Филиппова. Она взяла, оставила свою фамилию девичью, а от него ушла.
01:09:22	Какой примерно это год, как вы думаете? Ничего не написали. Даже не могу сказать.
01:09:34	Как вы думаете, ваша мама уже родила сына или нет? Не поняла.
01:09:46	Ваша мама на этой фотографии, она уже родила сына или это еще до рождения ребенка? Нет, наверное, нет. Потому что у них с сестрой разница небольшая, но никак... Фотографии...

Не говорили, что много. Нет, наверное.

01:10:18

То есть после ареста отца ваша мама жила со своей сестрой, да? Расскажите, с кем жила ваша мама? Перечислите всех, кто жил в доме после того, как отца увели.

Ну отца-то не уводили, он в деревне арестован был, а как они там себя вели, я не знаю, как мать реагировала.

01:10:53

Нет, я имею в виду, кто остался жить в доме, с кем жила ваша мама?

Там была еще сестра Зинаида. И вот их четверо, тетя Зина еще была — и всё, больше никого не было. Мужчин не было там. Там вот были вот эти две семьи. Отца не было уже. Да, наверное, всё как-то продавали там что-нибудь. Ну конечно, продавали. Жили хорошо, обеспечены были хорошо. Я помню всё как... Уже много из того, что они имели, с себя продавали, потому что жить как-то надо было.

01:12:03

А вот вы сказали, что иконы вашей бабушки тоже продавали. Это когда было?

Что?

01:12:13

Вы сказали, что у бабушки было много икон.

Да.

01:12:19

Но их потом пришлось продавать.

Да, но бабушка умерла уже потом, бабушки уже не было, когда они... Вот когда отца арестовали, потом... Я так уже... Я не видела отца ни разу с бабушкой, чтобы отец был дома, я его никогда не видела, а бабушку я дома видела. И у нее были такие ящики с иконами. Вот иконы эти. Потом, когда бабушка умерла, баба Надя всё их продавала, раздавала. Жили как-то вот так.

01:13:03

А в каком году бабушка умерла, помните?

Нет, не помню.

01:13:09

Ну это после войны было или во время?

Нет, до войны. До войны было.

01:13:18

А вы сказали, что иконы лежали в ящиках, а на стене висели иконы?

Я не помню на стене, но я помню, что была кроватка, кровать, где я лежала, там была маленькая, вот такая вот была иконка. И у каждого было по такой иконке, ребенок, у каждого ребенка была своя иконка вот такая. А в ящичках лежали дорогие иконы. Потом, прошло много-много лет, я уже в школе училась, уже в старшем классе где-то, мы случайно попали в дом, где баба Надя жила на квартире. Она такая была быстрая особа. И зашли, и я увидела эти иконы. У них так, когда заходишь, и в углу вот такой иконостас. Я увидела и узнала одну икону. Я говорю: «Это наша икона». Хозяйка сказала: «Нет». И баба Надя говорит: «Нет, я их продала, мы на них живем». Вот так, эти иконы.

01:14:56

А вот история этих икон, как они появились у вашей бабушки, вы что-то знаете?

Нет. Они приехали из... Мать родилась на прииске Неожиданный, где-то здесь, недалеко. А как

у них... Как они там были, не знаю. Ничего не знаю. К сожалению, совсем не помню.

01:15:30

А вы помните, какая именно икона в вашей кровати была?

Тоже не помню, не скажу.

01:15:39

Ну хорошо.

Жалко очень. Очень жалко. Я ее вспоминаю всё время. И куда она исчезла, я даже не знаю.

01:15:51

То есть вы помните, как она выглядит?

Не помню. Маленькая я... Она маленькая, прямо совсем была маленькая иконка. Иконка была вот такого размера, но овальной формы. Всё. Так на веревочке она висела на кровати, так вот.

01:16:22

А вот эта фотография папы, можно еще раз ее посмотреть нам? Покажите, пожалуйста. Вы что-то знаете о том, где он, что... Господи. Сколько ему здесь лет, где он? Какие-то подробности знаете про это?

Я вам говорю, что я самая младшая была, не делились со мной, вообще во внимание не брали. Как я такая выросла, не знаю.

01:17:06

Ну подождите, а мама с вами мало разговаривала? Вообще вы много общались с мамой?

Нет. Ну, маленькая, конечно, со мной никто не разговаривал, а когда подросли, мы с мамой всё время вместе были. Мама очень начитанная, она очень интересный человек была. И одно время как-то вот... В библиотеке. Я не знаю, каким образом, она как-то прижилась в библиотеке, и новая книга, самая новая книга интересная всегда давалась маме. Мама ее прочитывала за день-два, за ночь и уносила в библиотеку. Потом я стала их придерживать и была такая довольная, что я могла почитать. Но это уже было, я уже взрослая была.

01:18:18

Что любила читать ваша мама? Кто у нее был любимый автор или любимая книга?

Не помню. Единственную книгу, которую я помню с мамой, это «Два капитана» Каверина. Но это уже далеко-далеко, близко сюда, наоборот.

01:18:42

А мама читала вам вслух?

В долг?

01:18:45

Вслух читала мама?

Вслух? У нас было такое заведено. Вот еще когда я болела, собирались все, там закуток так был, и мы собирались все вместе. Все собирались. Ну кто? Мама, тетя Надя и мы, дети. И у меня была должность: я держала всегда керосиновую свечку такую. А читали или мама вслух, или моя сестра, дочь бабы... тети Нади, она здесь. По очереди. Они очень хорошо читали, быстро читали и хорошо. Вот читали или мама, или она. Очень часто читали вслух.

01:19:54

Вы помните какое-то такое чтение? Что читали, какую книжку, может быть, помните?

Ой, детские книги читали, но я их уже забыла. «Путешествие Нильса с дикими гусями». Ну, это уже прошло время, уже было где-то... Уже я не так сильно болела, но всё равно собирались

кружком две несчастных семьи. Вот так было.

01:20:33

То есть это еще первый дом родительский, да?

Нет. Это уже было, где мы жили по Горького, и вот этот тракт Чуйский. Где вот там. Там уже.

01:20:54

То есть там ваша мама продолжала тоже со своей сестрой жить, да? То есть там, на той квартире или в том доме, ваша мама тоже жила со своей сестрой?

Да. Мы все долго-долго-долго. Потом баба Надя, мы ее баба Надя звали, ей это надоело, и она уехала, уехала к своей младшей сестре, самой младшей, уехала. А Стасик, он учился, заканчивал школу, уже мама уехала, потом она его забрала с собой, они где-то жили на Волге. Я забыла. Я еще вот и хорошо не помню, потому что всё забываю.

01:21:50

А почему вы тетю Надю звали бабой Надей?

Да как-то привыкли. Баба Надя мы ее звали.

01:22:00

Она не обижалась?

Нет, нет, нет. Ну это уже потом, а так-то звали. Ничего.

01:22:16

Вот я хотела еще вернуться ко времени после ареста отца. Где он находился? Вы знаете, где он сидел? Историю его перемещений? Или, может быть, вы потом узнали, выяснили, куда его посадили, куда потом отправили?

Нет, я не знала. Я не знала. Где-то там была какая-то тюрьма. Вот брат-то мой... Я случайно познакомилась с нашим писателем, у нас тут в Барнауле был писатель Гришаев, он занимался репрессиями. Я его познакомила с братом, и он помогал, видимо, брату. И потом в это... Ой, как оно называется-то? Музей. В музее в краеведческом, там у нас был. Брат много общался с ними, и Гришаев ему помогал, и сам он там. Ну и дедушка тоже много для музея сделал. Я не была вхожа в этот мир.

01:24:08

А брат ваш, получается, пытался что-то узнать о судьбе отца? Да?

Не знаю. Не знаю.

01:24:19

Нет, ваш брат, ваш брат.

Я не знаю о нем. Он никогда сильно не вникал. Так, как я, он не лез никуда.

01:24:34

Но вы говорили, что вот этот альбом начал делать ваш брат.

Он начал делать уже... Да, этот альбом он мне показал, уже практически почти весь готов. Вот как здесь есть. Это было... Это было уже, я даже не знаю, долго. В какое же время... Ну вот начались здесь переписки всякие, может быть, было так. Я вот сейчас посмотрю. Вот эти справки, которые были. Где-то это же... Тут еще была маленькая такая, маленькая бумажка. Он ее потом почему-то убрал. Записка была. О, это убрали отсюда, да? Справки. Вот когда первая справка, где-то в этот же период было там. Так я даже не могу сказать, когда это было. Он так не написал нигде. Не знаю. Ничем, к сожалению, не...

01:26:14

Хорошо.

Так приблизительно. Вот у них когда-то там в Барнауле поставлен вот этот памятник. На

кладбище там, на горе, в Бийске. На кладбище. Мемориальный вот этот, наверное, камень. Я не в курсе. Вот этот, по-моему, камень у них был, на месте, где расстреливали. «На этой площадке будет установлен памятник жертвам политических репрессий». 1996 год. Ну, где-то в это время, наверное, не знаю. Ой, что-то сломалось. Вот так надо, да?

01:27:20

Юлия Георгиевна, а вы упоминали, что отец присылал какую-то записку уже из тюрьмы. Можно ли было ему делать какие-то передачи, переписываться с ним?

Нет. Не было такого. Единственное, что я помню по маминым [рассказам], были дни, когда можно было какую-то передачу ему принести. От него взять ничего нельзя было. Несколько... Вот двое мужчин, которые возвращались с Колымы уже, уже так, вот они ему... от него... Вот мама показывала, прямо меньше спичечного коробка, там что-то было написано. Раз два. Мама одну съела, а вторую сожгла. Буквально две у нее записочки было от него, и всё. Боялась, чтобы этому человеку, который передал, чтобы ничего не было.

01:28:48

То есть вот эта записка, где он извинялся перед вашей бабушкой, это было уже из Колымы?

Да, наверное. Но не из этой тюрьмы, где отец сидел, здесь, а где-то уже в дороге там. Где-то уже, наверное, может быть, и на Колыме там, на этой же. Где-то.

01:29:16

А когда его отправили на Колыму?

Не знаю. Где-то были у меня бумаги, в бумагах, но такого не было. Я даже не знала, где он. Я удивилась очень, что он умер в 1943 году там, на Колыме. Я была удивлена, что рядом прямо совсем. Уже так как будто... Не знаю. Ничего не знала. Никто не знал из нас. Вот я только лезла туда с этими, то с одним вопросом, то с другим, но что интересно, всегда отвечали, и очень тактично, из этих мест.

01:30:23

Из каких?

Вот куда я обращалась, всегда очень тактично отвечали.

01:30:33

А когда вы обращались?

Ну вот то, что я в каком году, я не помню. Я очень рано стала писать туда, в этот Севвостлаг. Очень давно-давно. Потому что в 1958-м я уже получила реабилитацию на отца.

01:31:01

Ну то есть ваша мама знала, где сидит ваш отец?

Наверное. Со мной на эту тему не разговаривали дома.

01:31:15

Ну, она же получала записки через его?..

Нет, она рассказывала просто, что приходил какой-то мужчина, к ней домой заходил и рассказывал, что сидел вместе с отцом где-то на пересыльной остановке, тюрьма или как-то. И когда узнал, что он едет в Бийск, он попросил передать эту записочку матери. Ну это было раз два, наверное. Один и второй мужчины возвращались оттуда. И причем говорили: «Он говорит, скоро вернется». Но не получилось.

01:32:07

А какой это год примерно был?

Я даже не могу сказать. Я была тогда еще маленькая совсем.

01:32:17

Ну это было, получается, до того, как он уже попал в лагерь? То есть где-то на этапе он был? Или уже из лагеря?

Вот знаете, я много раз, сколько спрашивала — на это никто не ответил, где он и что он. Вот брат, я не знаю, он там где-то занимался, но мне не рассказывал, где был отец. Я не знаю.

01:32:50

Когда ваша мама что-то узнала про отца? Когда это было?

Что? Где он? Я не знаю. Я не знаю. Я тогда маленькая совсем была, совсем маленькая. Я даже еще и не знала. Это я уж потом, когда вот уже это... СибВО, СибВО. А так-то я не знала. Маленькая совсем была.

01:33:26

Ну вот хорошо. А что такое СибВО?

Сибирский военный округ.

01:33:33

А откуда вы знали это слово?

Да потому что все говорили: СибВО, СибВО. Ну и я тоже слышала.

01:33:43

А все — кто?

Ну мама со знакомыми, знакомые спрашивали. Не знаю.

01:33:57

А вот расскажите еще про эти вызовы в НКВД, то, что мама ходила. Когда это было примерно?

Ну, мама меня носила на руках, это было года три, наверное. А когда ее вызывали, ее вызывали уже и после, в смысле, когда я уже взросленькая. Вот я говорила, что мужик какой-то, мы с мамой вышли, я уже была взросленькая тогда. Но сколько это было мне лет, я даже не могу сейчас сказать. Вот он ее обхватил там за ноги и говорит: «Простите, простите, Евгения... Константиновна». Не помню, какие года, не помню, к сожалению.

01:35:04

А как часто ее вызывали?

Очень редко. Очень редко. Сначала вызывали... Ну, маленькая я еще тоже была совсем. А потом какой-то период прошел, я помню, что уже я взрослая была, мы с ней вместе ходили туда раза два. Но не часто, не часто.

01:35:36

А как вы думаете, зачем ее вызывали?

Там или сообщить, что он там где-то на другой, я даже не помню. Я даже не помню. Где-то были такие у матери эти... Но она их выбрасывала... Как они назывались? Записки, где что. Я даже не знаю. Даже не могу вам ответить как-то вразумительно.

01:36:16

То есть это был допрос?

А?

01:36:20

Это были допросы или нет?

Нет. Нет. Я-то, может быть, и не соображала, что это такое, но какие-то вопросы ей задавали, она отвечала. И мы уходили.

01:36:41	Неужели мама вообще, когда вы уже выросли, неужели мама вам ничего не рассказывала об этом деле? Уже не говорили.
01:36:57	А вы спрашивали? Я стала письма писать в красивую организацию. Просила сообщить, что и как.
01:37:19	Что за «красивая организация» такая? Вот это вот СибВО. Интересно, что мне... Я уже тогда не ребенок была, конечно, когда я писала-то. Они отвечали всегда очень тактично.
01:37:42	А сколько вам было лет, когда вы начали писать? Я еще в школе училась.
01:37:53	То есть вы были несовершеннолетня и начали писать вот в эти организации? Первый раз, наверное, да. Самое смешное, я вот сейчас не могу вам точно сказать, я... Мама работала. И на какую-то одну, на одну мне что-то ответили, я помню, мама так плакала. На почту до востребования там было, адреса-то не было. Мама так плакала. Почему-то я получила, на мое имя пришло письмо, и пришли деньги какие-то. Я хорошо помню это, что мама получила деньги и говорит: «Юленька, это деньги будут твои». Взяла эти деньги, получила и купила мне часики. Эти часики я носила очень долго и теряла их часто, раз пять, наверное, и мне их всё равно возвращали. Но когда это было, я сейчас не вспомню. А потом пришла вот эта вот... Я всё равно писала. Я поэтапно так, когда уже потом, я взрослая себя считала, думаю: вот где-то он работает, отец. Всё время просила: где он, что он делает, как? Ну и отписывались так, и всё.
01:39:52	А вы думали, что ваш отец жив? Я думала, что отец жив. Я думала, я до последнего думала. И когда я узнала, пришло мне, что он в 1943 году умер, я так болела тогда, очень, очень переживала. Думала: а я всё ищу, ищу, ищу.
01:40:26	А вы маме вашей говорили, что вы будете писать в это СибВО? Ну она, да, в курсе была всегда.
01:40:38	Она поддержала эту идею? Нет, нет, она не это... Ну как-то ребенок скучает об отце, и всё. И не поощряла, и не ругала.
01:40:57	А она надеялась на то, что отец ваш жив? Она, ей когда приходили эти записочки, приносили или кто-то еще встречался, они разговаривали еще. А потом, когда никого не стало, тогда отец уже, мама уже понимала, что нет его.
01:47:27	То есть она не ждала? Ну как она, сказать, что не ждала, не знаю. Я уже потом пошла работать. Я всё ждала, всё

боялась, что отец приедет, он приедет, — смешно, конечно, это, так вот считать, — что ему даже переодеться не во что будет. Я всё маме говорила: «Мама, ну давай купим хоть спортивный костюм. Вот отец, если его выпустят, и всё». Она и говорит: «Ну хорошо, Юленька». Поддерживала меня, но, наверное, знала уже, что ничего. Единственное, как-то помню я такую фразу, мама пришла, ее вызывали, наверное, это было в бумагах каких-то у нее. Она пришла, плакала, говорит: «Папы нашего не стало». Я не могла тогда еще понять, но я уже была взрослой. Какой это год был, я привязать не могу ни к какому году.

01:42:57

А как ваш брат переживал отсутствие отца?

Там мы с ним не общались, с братом. Учился он, старался учиться хорошо, чтобы быть человеком. Мы разные с ним, с братом. У нас как-то дружбы не было такой. Я девчонка, он... Разница в годах большая.

01:43:07

Начало войны? Нет, не помню. Это 1941 год был.

01:43:58

А саму войну вообще, что война... Вы осознавали, что идет война?

Да, знали. Еще у нас там, семья вообще-то у дедушки была большая, и были еще двоюродные уже, троюродные всякие братья. Кто-то воевал, кто-то работал где-то, поэтому... Так что было. Даже есть погибшие.

01:44:36

Ну, до вас доносилась война или нет? Вот какие-то, не знаю...

Война доносилась каким образом, что присылали в Бийск много детей из Петербурга, из Москвы. Вот поэтому. Их принимали, были эти, ну, их определяли где-то, как в детдоме они. Какое-то время они там жили, воспитывались.

01:45:18

А вот на условиях вашей... [Кашляет] Простите. На условиях вашей жизни как-то сказалась война?

На учебу?

01:45:30

На условиях жизни. Стало, не знаю, более голодно, пропали все мужчины, что-то еще? Денег не стало совсем, продуктов. Вот как-то вы чувствовали, что изменилась жизнь?

Как-то так нет, наверное, потому что уже привыкли. Вот лично наша семья уже привыкла к этому, к недостатке чего-то. Ничего. Ну, а война всё равно касалась всех, потому что у родственников, у знакомых кто-то был на войне, всё равно сочувствовали все.

01:46:30

А вот вы общались с теми детьми, которых привозили в эвакуацию?

Ну, это было раньше, я тогда еще была совсем маленькая. Брат двоюродный, он постарше меня, они где-то там общались, да. Ну, а мой брат, он, не знаю... У них там своя какая-то была компания мальчишеская, они там общались. Всё равно были какие-то стычки, наверное. Война вот как сама такая страшная нас в Бийске, конечно, не коснулась. Потом, когда война закончилась, стали появляться чародеи, или как их назвать. Я помню даже. Фронтовик вернулся с войны, и он, видимо, был этот. А у него была то ли мышка какая-то, она эти... И, я не знаю, какие-то... Таскала она бумажки такие, а там на бумажках писалось что-то, что произойдет. Гадальщики такие вот. Вот этих много было. Ну, их не разгоняли, они как-то были. Женщины в основном интересовались, как война, когда вернется или как.

01:48:38

То есть это было после войны уже, да? И когда ждали своих мужчин домой, да?

Я помню, по-моему, в 1943 году что-то было. Вот сейчас не помню именно, что это, какой-то перелом, видимо, был. И чистили дорогу, Чуйский тракт, я помню, было, что к этой дате чистили. Ремонтировали мост через Бию и чистили Чуйский тракт, кто по Чуйскому тракту жил, чтобы всё было чисто. Как сама вот такая страшная война сильно не коснулась. Мы вот с мамой читали этого, «Два капитана», помню, после войны уже.

01:49:40

Получается, в каком году вы пошли в школу?

Ой, не знаю, честное слово. Мне было, наверное, лет восемь, вот так как-то, это с 1938-го плюс восемь — это сколько будет? 1946-й, наверное. Я даже сосчитать-то не могу.

01:50:12

Ну то есть после войны однозначно.

Ага, после войны.

01:50:19

Вы помните вашу школу? Много ли было там детей? Вот что вы помните про вашу школу?

Про [н]ашу школу я помню очень хорошо. Нет, а в каком же это было году? Я была тогда еще, ну, хоть и семь, может быть, лет шесть, я помню, что было очень холодно. Вот запомнилось. И долго-долго я помнила. А одета-то плохо была, и сумки у меня, портфеля не было. У меня была такая побирушка, ее [так] мои братья называли. Ну, мама сшила холщовую сумку, там были какие-то книжки. И я однажды чуть не замерзла. Шла в школу, ходила далеко. Шла, шла, шла. И стала качаться, и замерзла. И мне навстречу вышла женщина, такая красивая, в такой шубе. Посмотрела на меня, расстегнулась, забрала меня вместе со всеми «попрошайками», закутала и говорит: «Где школа?» Я ей показала. И она меня, наверное, целый квартал домов несла до этой школы, принесла, вывалила меня и говорит: «Возьмите ученицу, она очень замерзла». Сразу учителя сказали: «Расчистите». Холодно, и все дети хотели ближе к топке, где горит огонь, туда. Всех она убрала, и меня, значит, раздели, посадили. Вот это помню. Но всё равно в школу ходили, нам нравилось.

01:52:36

А почему вы были не одеты?

Как?

01:52:42

Почему вы были плохо одеты? Почему замёрзли?

А откуда? Неоткуда, взять-то негде. Вот насчет одежды, да, мама шила сама. Мама шила мне какие-то телогреечки из всяких кусочков. И долго очень шила. Мы очень скудно финансово жили, очень-очень скудно. Но почему-то все в школе считали меня... Мама сама шила. Вот кусочек где-то найдёт, купит, сошьет мне что-то новенькое. Вот мы так жили.

01:53:44

Ну, интересно, что...

Меня даже однажды в лагерь отпустить можно было. Но тоже возраст такой еще, чуть-чуть за первый класс, помню. А у нас даже полотенца не было дома, была какая-то холщовая бумажка, такая тряпочка, которая воду не впитывала. Я на всю жизнь запомнила и обиделась. А воспитательницы... Ну, умывались все дети, я тоже умылась. А она подходит ко мне, я хотела взять, значит, свое полотенчико, она у меня его взяла, стала вытираться, говорит: «Надо же, даже влагу не впитывает». Отдала мне его. Вот это я помню.

01:54:44

То есть вы в лагерь приехали со своим полотенцем, да?

Да. Это единственный был случай, когда меня в лагерь выпустили, разрешили.

01:55:06 **А почему не пускали?**

А?

01:55:08 **А почему только один раз?**

Ну, не знаю. Не было путевки, значит, у мамы на меня.

01:55:20 **Что еще вы про школу помните?**

Про школу?

01:55:24 **Да.**

Про школу я очень хорошо помню, и мне очень нравилось. У меня даже где-то фотографии есть, какие мы, показать?

01:55:34 **Да, да.**

Вот это второй класс, во втором классе мы были, я очень хорошо запомнила. Наши учителя. Сейчас покажу, где она. Вот она и вот два, две учительницы.

01:55:55 **А где вы? Покажите себя.**

А я вот, нахмуренная, всегда нахмуренная, серьезная девушка была.

01:56:06 **Это потому что серьезная или, может быть, вас там как-то ругали?**

Нет, нет, нет, у нас такого не было тогда. Мы все дружные были. Вот здесь вот я тоже где-то есть. Это уже в старших классах, поближе было.

01:56:31 **Эта школа где находилась?**

Где жили?

01:56:36 **Где находилась школа?**

Школа? Школа всегда была где-то не очень далеко от дома, в первых классах, где я была. У нас первый класс был, правда, далеко, вот от дома было далеко. Там два квартала, наверное, много было. А так все старались, чтобы удобно было детям, детям и родителям чтобы было удобно, рядом были. И очень школы хорошо, хорошо в школах было.

01:57:22 **А есть еще какие-то фотографии школы?**

Школьные?

01:57:27 **Да.**

В этом альбоме, наверное, нет. Ну это вот только уже старшие мы были. Это вот третий класс, тут шестой класс, были такие всякие. Вот это шестой класс был. Уже, видите, взрослые все такие.

01:57:56

У вас там мальчики-то есть?

Да, но мало, мало было. Вот здесь у нас фотографировался один мальчик, а постарше — там было несколько их, наверное. А тут, в этом альбоме, нет уже этих фотографий. Вот они. Уже это ближе к выпуску, вот уж к выпуску. Но тут одни девчонки фотографировались. А тут и мальчишки. Ребята были хорошие.

01:58:38

А где мальчишки-то все? Почему их нет на фотографиях?

Мальчишек? Мало было. Вот здесь они сами не стали фотографироваться, не хотели. Здесь вот, наоборот, фотографировались. Вот мальчик, мы с ним всё в школе дрались, а потом в институт приезжает чемпион по дзюдо, по-моему, и все бегают за ним расписаться. А я посмотрела, говорю: «Миша, это ты, что ли?» И он ушел, не стал нигде расписываться больше. Почему мы с ним дрались, я не знаю. А вообще ребята были хорошие.

01:59:32

Это вы, наверное, его натренировали и вдохновили на дзюдо?

Да, наверное. Я тоже так подумала.

01:59:43

А какие предметы вы любили в школе? Что больше всего?

В школе? Ой, я даже и не помню. Я в школе вообще-то не очень хорошо училась. Брат хорошо учился, а я не очень. Любила географию, не географию, а математику. У нас учительница была очень хорошая, и она преподавала хорошо. Вот математику любила и английский, а так, ну, русский язык — это само собой, только мы писали со страшным количеством ошибок всегда. У меня так и муж всё, вместо А где-нибудь О напишу, он мне до сих пор делает замечания.

02:00:45

То есть вы не в маму в этом пошли?

Нет, мама грамотная, очень грамотная, а я не в нее пошла.

02:00:58

Может быть, вы в отца пошли?

Может быть, но кто его знает? Не знаю.

02:01:10

А какая еще вы были в детстве, в юности? Вот расскажите, какой у вас характер? Что вы любили?

Любила коньки, лыжи. На коньках каталась очень хорошо, на лыжах, конечно, бегала тоже, но ничего. А еще что там? Книги, книги, конечно, книги, книги, книги.

02:01:55

А какая у вас в детстве любимая книжка была?

Ой, я забыла ее. Вот там про гусей что-то было, про Нильса. Она была толстенькая, не одна, там несколько было таких сказок, интересных. А еще не помню.

02:02:25

А вот когда постарше стали, какие книги любимые были?

Даже сложный вопрос какой-то, даже не помню.

02:02:40

Ну я вот, например, в школе очень, как ни странно, любила Толстого.

Толстого?

- 02:02:46 **Да. А вот что из школьной программы вам нравилось?**
- Я даже не знаю. Вот мама читала, и я за ней книги читала. Еще я любила Маяковского.
- 02:03:06 **А почему Маяковского?**
- Не знаю. Почему-то он мне нравился. Потом постарше уже, когда, так сказать, и побогаче, потом я его жизнь, о жизни читала еще много. И вот у меня, у внука жена тоже любит Маяковского.
- 02:03:33 **Я, кстати, тоже очень любила.**
- Да?
- 02:03:36 **У меня был период, я прямо увлекалась им, да.**
- Я тоже любила его.
- 02:03:43 **Я забыла еще спросить. Вы говорили про дядю вашего папы, Дамиана Георгиевича, и сказали, что он тоже был репрессирован. А за что?**
- Это я не знаю, к сожалению.
- 02:04:05 **Ну хорошо, а он как был репрессирован?**
- Тоже не знаю ничего.
- 02:04:13 **Он сидел в лагере?**
- Нет, почему-то он работал по своей специальности, а в лагерь он не попадал. Он и так вот умер. Я говорила, что когда пришло извещение, что его реабилитируют, реабилитация, и назначили какой-то день. Он работал, там тюрьма была, но он не в тюрьме жил, а рядом был домик, и он в этом доме с бабушкой, там жили они вместе. И когда его, ну, устроили вечер такой, и его там поздравляли, что он занимался кукурузой, выращиванием нового сорта, и, когда ему сказали, что этот сорт будет его, под его именем, поздравляли его, он принял поздравление, домой пришел, стал снимать пальто, упал и умер сразу. Вот такой конец у него получился. Он похоронен там рядом, где-то недалеко от станции. Все разъехались уже. Сын у него старший, Борис, у него было двое детей, Владимир и Борис, Борис был старший, он закончил, он был директором прииска золотоносного на Колыме. Долго очень работал там, а потом, видимо, вышел срок действия его, и его уволили, и он уехал в Москву уже всё, с семьей. А бабушка уехала тогда в Омск, жила там в Омске, и однажды вдруг Шурик меня позвал, говорит: «Поедем в гости к бабушке». Мы с ним ездили к бабушке в гости, и бабушка попросила меня, я вам показывала вот книжку, этот...
- 02:07:22 **Альбом, да, да.**
- Альбом вот этот, что «сохрани», я его храню, потому что младший сын у них погиб на войне.
- 02:07:36 **Юлия Георгиевна, а вы были пионеркой?**
- Да, была.
- 02:07:41 **А вы помните, как вас принимали в пионеры?**

Вот как принимали, не помню, но пионеркой я была.

02:07:50

Вам нравилось это?

Мне нравилось.

02:07:55

А в комсомол вы вступали?

В комсомол? И в комсомол меня приняли, а в партию я отказалась.

02:08:06

Почему?

Я своему куратору, который уговаривал меня, не очень тактично ответила. Говорю: «В партию я не пойду никогда». Меня как раз был... Уговаривал меня наш, мой однокурсник, а куратор наш подошел в этот момент, и молодой человек говорит: «Я должен на нее написать». А куратор говорит: «Нет». Сказал просто: «Нет». И всё, меня не затронули.

02:09:08

А как вы думаете, почему он сказал «просто нет»?

Не знаю. Не знаю. Но он знал, кто я, что я из семьи репрессированных. Наверное, знаете, у меня один был недостаток, наверное: я была очень честной.

02:09:42

А в чем это выражалось?

Ну просто то, что я чувствую, что это хорошо, значит, я и говорю, что хорошо. А если кто-то мне говорит, что это не так, я не знаю. Мы на днях сидели с мужем. «Тебя, — говорит, — не все любили». Я говорю: «Да, меня не все любили». Ну почему-то я не знаю... Я однажды спросила своего начальника, я говорю... Ну, собрались там все, делили тогда премии, кто за что премию получает, и народу много собралось вокруг начальника, и он так всех гладит. А я подошла и спросила, говорю: «Вам когда-нибудь стыдно бывает?» Все охнули, он покраснел и вышел.

02:11:05

А почему вы такой вопрос задали?

Да потому что я... Как вам объяснить? Кто хорошо работал, тот премии не получал, вот поэтому и я попала на эту должность. Я ее не хотела совершенно получать, эту должность, инженер по новой технике. Но премии получали начальники. Я там вела, в общем, работы много было, все обсчитывала рацпредложения. Ко мне подходит потом этот, как-то пришел молодой человек. «Послали, — говорит, — к вам, чтобы посоветоваться, на учебу к вам». Я говорю: «Да какая учеба?» «А почему у вас, — говорит, — все получают премию, а вас нет? По новой технике получают, а вас в этом нет?» Я говорю: «Значит, наверное, плохо работаю». — «Ну как же? Ну посмотрите!» Я говорю: «Я вижу. Я знаю». И всё. Нехорошо это, конечно, но я вот такая выросла.

02:13:02

А как вы думаете, в кого вы такая?

А?

02:13:05

А в кого вы такая?

Наверное, папу. Мне кажется, так.

02:13:11

А почему в папу?

Не знаю, не знаю.

- 02:13:18 **Мама что-то рассказывала, что он тоже был очень честный?**
- Нет, о нем как-то мало говорили. Я его не знаю, но почему-то я чувствую. Я не люблю лукавств всяких, между нами говоря.
- 02:13:51 **Вот ваш выбор не вступать в партию, он был осознанный?**
- Да.
- 02:14:00 **А как вы это себе объясняли? Почему вы не хотите?**
- Я считала своего отца честным человеком и видела окружающее. Я понимала, что отец тут ни при чем совершенно, что это нечестно, а его ругают, вот так вот с ним поступают. И вообще... Наверное, так.
- 02:14:47 **То есть вы не верили вот этой организации, которая осудила вашего отца?**
- Да. А вы знаете... Ой, извините.
- 02:15:06 **Говорите, говорите.**
- Уже немножко отходя вроде как. Когда появились вот эти «Мемориалы»... Я даже не знаю, как это. Хотела сказать хорошо, но не получилось у меня. Что-то выпало маленько.
- 02:15:41 **Когда появились «Мемориалы», вы сказали?**
- Да, да. Когда «Мемориалы» появились, там все начали рассказывать свои [истории]. Я, значит, в наш ходила музей и рассказывала, как я искала отца, как начала искать отца. Многие заинтересовались, подошли: «Ой, вы нам скажите». Я всем рассказывала. Никто не стал, ни один не подошел. Они потом не стали ходить на эти собрания, в архив, где там у нас архив был. Никто не приходил. Что-то не так, значит.
- 02:16:47 **А что не так, как вы думаете?**
- Не знаю. Наверное, всё же какая-то, как сказать, опаска. Сильно много говорить не надо.
- 02:17:08 **В смысле, вы думаете, что люди боялись узнавать что-то про родных?**
- Нет. Мне кажется, что люди знали про родных больше, чем им говорили. Мне так казалось почему-то.
- 02:17:31 **А в чем тогда опасение? Не поняла. В чем опасение? Осторожно, микрофон. В чем опасение, вы говорите, опаска?**
- Не знаю. Не знаю.
- 02:17:55 **Я так понимаю, что вы видели следственное дело вашего отца?**
- Нет. Мне не показали. Когда появился вот этот «Мемориал»* [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], тогда наши из университета, историки, стали приглашать, кто хочет подать заявление какое-то или что-то узнать, можете подойти. Я, значит, подошла к ним. Они мне написали: «Вы, если хотите получить отца почитать дело...» Я говорю: «Хочу». — «Вы не боитесь?» Я говорю: «Нет, не боюсь». Они мне написали записочку такую, как надо обратиться, я всё это переписала, пошла,

мне сказали, что можно. Один раз меня пригласили, назначили, когда можно прийти в это учреждение, на Ленинском у нас тут, и посмотреть. Второй раз. Что-то не получилось, второй раз. Потом, значит, меня пригласили. А мы сначала пришли, я, муж и внук, посмотрим, что нам скажут. Нас не приняли. Второй раз вообще ничего не сказали. А потом пришло письмо, что «вы можете подойти». Я пришла. Там это здание такое, комнаты, ну как всегда. Длинный стол, поперек еще один стол, и вы здесь стоите. Я, значит, жду. Я говорю: «Я могу посмотреть дело отца?» — «Ну, хорошо». Это уже был не первый заход, а второй. «Хорошо. Вот вы подождите здесь, а я сейчас вам принесу». Нет, сначала сходил. «Я, — говорит, — сейчас спрошу, можно или нет». Потом: «Вы посидите, я сейчас приду. Сказали, можно. Я пойду за делом». Он пошел за делом, а я села, и у меня такое... слезы такие замучили меня, я рыдала. И слышу толпу. Зашла толпа мужчин, а я рыдаю. И все говорят: «Надо что-то сделать, надо валерьянку или, может быть, скорую. Плохо будет». А я всё рыдаю. И вдруг чувствую, что на меня выливают огромное количество холодной воды, я вздрогнула и замолчала. Единственное, что я увидела, толпу мужчин, человек шесть, трутся все быстрее выскочить. Впереди единственный в форме КГБ вот этой вот. И вот он, оказывается, вылил на меня кувшин с холодной водой. А я вот так вот одета вся. И вот что это?

02:22:11

Это у вас истерика была, получается?

Ну, я плакала, я радовалась, что я сейчас увижу дело отца. Ну, посидела я там, успокоилась, и мой партнер, к которому я пришла, этот энкаведэшник: «Вы, — говорит, — успокоились? Я говорю: «Да, я могу вас послушать». — «Что же вы хотите знать?» Я говорю: «Всё о своем отце. Я его не знаю». Я говорю: «Мне было две недели, когда он уехал, когда он меня увидел». И он мне стал листать. Потом, значит, я всё равно еще раз написала туда: «Я хочу посмотреть дело».

02:23:07

То есть он первый раз вам не дал дело в свои руки?

Даже притронуться не дал.

02:23:13

А почему, как он это объяснил?

Не положено. Не положено.

02:23:21

А что это было за учреждение?

Ну, это, я не знаю, мне написали ребята, что вот там принимают вот это. Это типа НКВД, какое-то отделение. Я сейчас уже и не посмотрела даже, что это было.

02:23:44

А какой год примерно?

Это какой год? Это уже давно было. Где-то у меня даже было, не помню. Но это было уже, ну, нормально было. В стране было всё вроде нормально.

02:24:08

1990-е?

А?

02:24:10

1990-е?

Да, да, да, да.

02:24:14

Или раньше?

Нет, не раньше.

02:24:18

1990-е, да?

Наверное, да, да. Ну, у меня... Я еще не получила тогда реабилитацию на отца, что он ни при чем.

02:24:35

То есть это было до 1994-го, наверное?

Наверное, да, наверное. Не понравилось мне это, не понравилось, очень не понравилось. Потом я писала всё-таки: «Я хочу посмотреть, мне сказали [что можно]». Ну, хотя бы [нрзб]. Я получила, где-то она у меня, я сохранила ее, что мне написали. Сейчас я немножко. У меня уже была вот эта справка о реабилитации, и было вот так. Мне принесли из личного дела фотографии и описания. Вот что я просила, и вот что мне дали. Вот. Из личного дела отца.

02:26:02

Покажите...

Вот это всё из личного дела отца. Один листик, второй листик и третий листик. Что на них написано? Бошков Георгий Михайлович, место жительства, место работы и дата ареста — всё. Второй лист — это особые приметы у него: «выше среднего роста, телосложение нормальное, цвет глаз карий, цвет волос темно-русый, нос нормальный, приметы: лысый, сзади на плече три черных пятнышка». Вот это всё — это его приметы такие. Вот это вот личное дело. Интересное, очень, очень интересное. Я всё равно, если жива буду, я всё равно поинтересуюсь еще. И вот это вот фотографии из личного дела. В личном деле должны быть фотографии все, которые изъяли при обыске. Я права? Вот я еще раз, силы будут, нога заживет, я еще раз обращусь туда.

02:28:13

Юлия Георгиевна, а прочитайте, что на этом белом листке написано.

Сейчас. «Направляю копии документов, копии документов и фотографии из архива личного дела вашего отца Бошкова Георгия Михайловича. В соответствии со статьей 11 Закона РФ от 18 ноября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” реабилитированные лица, а в случае их смерти родственники имеют право ознакомиться с делом. Для этого следует обратиться с соответствующим заявлением в орган внутренних дел по месту вашего жительства, предъявив справку о реабилитации Бошкова Георгия Михайловича и документы, подтверждающие родство». Вот всё.

02:29:29

То есть вот эти три листа...

И к этому, и к этому добавлено... Так, сейчас я посмотрю числа. Да, 11-е, 12-е, а это февраль, 13-го. Где-то здесь еще была бумажка, что отец реабилитирован. Вот: «Справка. Определением Верховного трибунала Бошков Георгий Михайлович по настоящему делу полностью реабилитирован».

02:30:11

А что вот вы... Вы помните свои чувства, когда вы получили вот эти...

Документы?

02:30:21

Да, и фотографию.

Не высказать. «Какая низость!» — я так подумала. Вот почему я и задала однажды вопрос своему начальнику: «Юрий Михайлович, вам когда-нибудь бывает стыдно?» Вот это бывает когда-нибудь стыдно? Вот это интересно.

02:31:15

А вот тот человек, с которым, ну, тот кагэбэшник, с которым вы встречались...

Когда меня обили?

02:31:29

Да. Какие у вас были от него ощущения?

Вы знаете, вот который меня принял, и мы с ним до этого еще разговаривали, он мне понравился. Я поверила ему, понимаете? И которые там говорили: «Что вы, что вы, надо помочь человеку. Ей же плохо, это же отец» — им я верила. А этот здоровяк, который вылил, мне было жалко его. Это уже, знаете, это уже не человек. Это не человек. Вот есть... Кто сказал: «Человек — это звучит гордо»? Я забыла, кто это так сказал.

02:32:25

Горький.

Горький? Вот молодец был Горький. А это уже не человек.

02:32:37

А у вас не было желания поговорить с этими людьми и спросить у них, бывает ли им стыдно, как они ко всему этому относятся?

Мне было как-то стыдно за них за самих. Их там было много, а он один. Но он, наверное, был шишка, в форме. И эту форму опозорил, я так считаю, знаете, к сожалению. Вот почему я не вступила в партию, когда меня очень-очень звали: я не хочу быть рядом с таким. Что поделаешь? Теперь уже... И вообще, скоро меня не будет. Ладно.

02:33:45

Юлия Георгиевна, я еще хотела спросить у вас: как вы относились к Сталину?

К Сталину?

02:33:58

Когда были еще... учились в школе?

Вы знаете, когда умер Сталин, я одна из школы принесла портрет Сталина и с траурной лентой. Ну, лента была не очень такая. Мне Сталина было жаль. Я помнила, знаете, что? Как люди воевали. Если бы не Сталин, не победить бы было. Пусть Сталин такой, такой Сталин, я знаю, я о Сталине много как-то читала, смотрела о Сталине. Я знала, мне казалось, что я знаю немного Сталина, но я его очень уважала, когда он стоял, показывали Сталина на железнодорожном вокзале. Ему подали поезд, ну, для него поезд на Урал. И он не поехал. Он остался в Москве, когда подошли немцы к Москве. Я его очень за это уважала. Вот это мое мнение просто.

02:35:36

Оно потом как-то изменилось?

Нет. Нет. В самый момент серьезный он себя пересилил и остался. Это многое, по-моему, значит.

02:35:56

А как вы думаете, кто ответственен за репрессии в нашей стране?

Вот я как-то об этом не думала, я не знаю. А вы не читали? Был такой... Вот забываю его. Сосновский.

02:36:21

Нет.

Один товарищ... Где-то книга его. Вот, «Записки» Сосновского. Очень интересный товарищ, он пишет много. Я с ним не знакома, он как-то с моим братом в хороших [отношениях]. Были сначала в хороших отношениях, потом что-то брату моему не понравилось. Вот он мне даже подарил книгу, не зная меня: «Юлии Георгиевне. С самыми лучшими пожеланиями от автора. Сосновский». У него родители были большевики, и он очень много о себе здесь пишет. А он отбыл 30 с лишним лет в лагерях. Понимаете? И вот он всё это пишет. Замечательная книга.

02:37:34

А почему вы про нее вспомнили?

Сейчас?

02:37:37

Да.

Не знаю. Мы о чем-то говорили.

02:37:45

Мы говорили о том, кто виноват в репрессиях.

Вот он тоже, он тоже колеблется. Не знаю. Я не знаю, кто виноват в репрессиях. Тут столько написано у него, он столько знал, настоящих, понимаете, революционеров. Но, к сожалению... Есть настоящий, а есть нет. В чем разница? Я не знаю, как их различить.

02:38:35

А вы знали о существовании ГУЛАГа?

ГУЛАГа? Знала.

02:38:43

А что вы знали?

Да я мало что знала, но представляла, просто представляла.

02:38:53

А как вы себе представляли, что это такое?

Ну, приблизительно так же, как оно есть.

02:39:08

Ну расскажите, как это, словами расскажите, что это?

Я даже не знаю, как это описать. Я очень много читала уже. Сейчас вот где-то у нас... Настя купила вот эти книги. «Тенька». «Тенька». Книга у нас лежала здесь.

02:39:38

А, да-да-да.

Вот это. Вот это вот ГУЛАГ.

02:39:46

А как вы думаете, кто создал вот эту систему?

Вот я была страшно удивлена, когда я узнала, это уже там когда мы были, мы с дочерью были там два раза, в 2015 году и в 2017 году.

02:40:07

Где там?

На ГУЛАГе, вот на «Теньке» на этой. Как раз это вот ГУЛАГ.

02:40:19

Это Колыма?

А?

02:40:24

Это где?

Это Магадан, и трасса идет туда... У меня есть фотографии. Там такая красота! Там идут вот такие, это уже разработки. Вот это мне присылали из Магадана. Могила. На кладбище вот такие. Это мы были, вот это фотографии, когда 30 октября 2019 года. У меня там где-то были эти... Что... Я давно начала писать, хотела приехать. Мне даже сначала вызов пришел, а я заболела. Ну, наверное, перенервничала. Заболела, меня не пустили врачи. Потом я снова начала, уже окрепла маленько, снова начала. Короче, собиралась. Потом мне еще раз

написали: «В любой момент приезжайте. Мы вам машину, всё организуем и свозим». Было два... Тогда еще была больница на месте, а потом этой больницы на месте не стало, где умер отец, в этой больнице, его там уже не стало. А это вот там 30 октября 2019 года, вот эти фотографии. И там освятил отец, вот здесь, батюшка, и он освятил этот памятник. А от нас-то... Вот мы приехали. Как-то их складывала Настя, наверное, перечитала немножко. Народ собирал[ся], много, там школьники, вообще-то много было. А я приехала. Цветов из Барнаула до Магадана не довезешь, а там где покупать, не знаю. Я дома нарвала рябины красные и к этому кресту положила. Приходили ребята, они с цветами, сразу начали укладывать вот так. Хотела-то сказать не про это вам, а про что-то другое.

02:43:53

А почему рябину?

А?

02:43:55

Почему рябину?

Не знаю. Мне почему-то... Красная рябина. Почему-то вот захотелось ее, и она доехала у меня, я ее упаковала. Сначала в Новосибирск, потом оттуда туда. Меня туда чуть не пустили. Давление было за 200. Мне сказали, что «вас могут не посадить в самолет». Там как-то проходили, я не знаю, почему-то, ну, короче, под расписку. Слетала

02:44:45

Там было тяжело?

А?

02:44:47

Как вы там себя чувствовали?

Тяжело было, но ничего. А потом, когда приехали туда, уже вот это было всё... Ничего, оно как-то рассосалось маленько. Ничего. Но ведь я вам хотела не про это, что-то показать-то. Что-то говорила и забыла. Забыла. Ну, это уже у меня старческое забытие проявляется. Вот так.

02:45:39

Вы что-то, наверное, про Колыму хотели рассказать.

Про что?

02:45:43

Про Колыму, наверное, что-то хотели рассказать.

Забыла.

02:45:56

Расскажите ход ваших поисков, как это всё было, да? То есть вы... Как вы выяснили, что ваш отец был на Колыме, как он умер? Где вы взяли эту информацию?

Какую? Что отец?..

02:46:21

Что отец был в лагере на Колыме. От чего он умер и когда?

Мне так и не... Я так и не добралась до этого, я так и не поняла. Почему-то... Почему-то всё время это оказывалось вот... Как с этим душем холодным. Почему-то всегда заканчивалось. Кто-то что-то не хотел, чтобы иначе получалось. Не знаю.

02:47:16

А кто не хотел, как вы думаете?

А?

02:47:19	Кто не хотел? Не знаю.
02:47:25	Вы как ощущаете, откуда это сопротивление? Не знаю. Не знаю совершенно. Не могу объяснить.
02:47:39	Но вы довольно далеко зашли, то есть вы доехали на Колыму, на место, где несколько лет жил ваш отец. Как у вас это получилось? Откуда вы взяли информацию? Информацию о чем?
02:48:12	О том... Что отец там похоронен?
02:48:16	Что отец там. Это мне написали. Я писала этим, я писала вообще-то всё в Новосибирск, отправляла, и они мне отвечали. Я вот фамилию одну запомнила: Григус. Вот он мне ответил, отвечал. Еще было где-то. Я его вот сегодня видела здесь.
02:49:30	То есть кто-то из органов вам ответил, что ваш отец умер и похоронен на Колыме? Угу.
02:49:51	Это уже было в 1990-е годы или раньше? Не поняла.
02:49:56	Это уже было в 1990-е годы или раньше? 1990-е. Вот это письмо было, первое, которое мне написали, где он похоронен. «В местах лишения свободы... Туберкулез легких... Упадок сердечной деятельности... На кладбище на 41-м километре Нелькобинской трассы... Магаданского облисполкома». Вот это я видела.
02:50:54	А вот конкретно место, конкретно участок известен? А вы знаете, я даже собиралась вам показать, где-то у меня были фотографии.
02:51:10	А вот, по-моему, здесь. Вот, мне кажется, вот это, да? Нет, я вам хотела показать два. Ой, сейчас маленечко я встану. Мы с Настей приехали. Хотела показать за два года, что стало там. Нет, наверное, этих фотографий тут не осталось. В одном месте одни сплошные вот такие, вот такие...
02:52:04	Юлия Георгиевна, а сядьте, пожалуйста, чтобы мы вас видели. Сядьте, пожалуйста. Вот так вот. А во втором...

02:52:14

А скажите, я не поняла, что вы хотели сказать, плохо расслышала.

А во втором, там уже всё, знаете, заросло уже стлаником. Такое. А когда мы там были, Настя взяла, там в земле откопала маленький кусочек стланика, корешков немножко. Мы приехали домой и посадили в саду. Ну, не знали. Сказали, что стланик нигде не растет, кроме как на Колыме. Он у нас растет вот уже сколько лет? Года три-четыре уже, наверное. Уже вот такой вот стал. Теперь и дачу не хочется продавать. Настя там работает, я говорю: «Настя, ну давай мы продадим». Я хотела, когда у нас в Барнауле обвалился однажды, где у нас выращивают растения всякие разные там, обвалился берег с этими растениями, и много очень редких погибло. Я хотела отнести туда, откопать стланик, мне дети не дали: «Пусть растет. Это дедушкин, пусть растет». Вот так вот получилось почему-то. Я так и не показала вам, где-то было, но уже не знаю где.

02:54:10

Юлия Георгиевна...

Там маленькие вот такие, два вот таких снимка, как заросли за два года, вот это всё. Там уже теперь нет и больницы. Отец хоть умер в больнице, я прямо судьбу благодарю, что он умер хотя бы в больнице. Я писала уже, не знаю, в общем, всем, пыталась всех подсоединить, чтобы узнать еще что-то об отце. Ну вот всё, что узнала. А теперь уйду, наверное, теперь. Но я его возьму с собой. Мы будем вдвоем.

02:55:09

Юлия Георгиевна, а ваши дети, внуки интересуются историей вашего отца?

Нет, никто не знает.

02:55:21

Но они хотят узнать?

Пока нет. Ну, внуки-то. Вот Настя внук, Саша внук. А теперь вот остались только правнуки. Правнуки пока еще не знают, но, наверное, узнают. Настя, думаю, Настя останется, надеюсь.

02:55:53

Всё-таки хочется понять, как вы видите, как вы понимаете, кто, на ваш взгляд, устроил всю эту систему? Почему столько человек было расстреляно и столько человек умерло в лагерях? Как вы думаете, почему это произошло в нашей стране?

Знаете, не знаю. Я вот почитала Сосновского, он очень близко к верхушке, у него родители и он тоже, он попал... Он тоже не понимал, по-моему. Как так могло? Я не могу понять. Ведь вроде всё хорошо. Я вот думаю: всё вроде хорошо, но где-то трещинка какая-то. В чем? Непонятно. Вы про Сталина спрашивали. А я его, в общем-то, с уважением к концу его жизни отношусь. Всё-таки, если бы не Сталин, мне кажется, мы бы не победили бы во Второй мировой. Ведь сколько таких эпизодов, сколько детей даже воевало, были в тылу, там про одну девочку писали, пионерка. Все вставали против, чтобы было лучше. Досадно только, что, знаете, ко всем хорошим людям обязательно кто-нибудь подойдет.

02:58:23

В смысле? Не поняла.

Ну, бывает, что все поддакивают, когда видят, что кто-то прав, и все к нему лезут. Грубо говоря, вот так, если...

02:58:42

А как ваша мама относилась к Сталину?

Мама к Сталину? Да никак, наверное, я думаю. Она не думала, по-моему, об этом.

02:59:00

А у вас дома как-то обсуждался вопрос, почему арестовали отца и почему это с другими происходит?

Ну, видите, я еще тогда слишком мала была. Когда арестовали отца, я слишком мала была еще. Еще никак. А мама... Не знаю, как мама.

02:59:37

А вокруг вас какие-то знакомые люди, друзья семьи, были ли там репрессированы какие-то люди еще? Арестованы или расстреляны?

Не помню. Не помню. Из знакомых вот так вот близко не помню никого.

03:00:06

А ваша мама боялась ареста? Боялась ли, что ее...

Нет, почему-то не боялась.

03:00:13

А почему?

Не знаю. Верила, наверное. Не знаю. Во всяком случае... Может быть, и боялась, просто я не замечала, я же тогда мала была очень.

03:00:47

Но всё-таки интересно, что вы так относитесь критично к... Относились с таким сомнением к партии, но при этом главу партии вы считали честным человеком, достойным. Вы не видите в этом какого-то противоречия?

Оно было, конечно, противоречие в самом человеке, понимаете? Мне так казалось.

03:01:32

В каком человеке?

Ну вот вы о Сталине разговаривали.

03:01:39

В частности. В данном случае пытаюсь понять вашу логику.

Ну я вот и думаю, что... Где-то было, но где-то понял, что не то, человек. В самый ответственный момент всё-таки, можно сказать, пожертвовал собой, потому что под Москвой тогда было так плохо, и он всё равно не уехал. Со мной даже родственники не соглашались, а мне кажется, что это по-честному.

03:02:38

А в смысле родственники не соглашались? По какому вопросу?

Ну вот что Сталин какую роль сыграл, хорошую или плохую. И плохую, и хорошую. Исправился, если грубо говоря.

03:03:05

Но репрессии были и после войны тоже.

Вот такие дела.

03:03:18

Вы знали о XX съезде? Вы слышали о XX съезде, когда он был?

Слышала, но не обращала внимания, я не разбиралась в политике сильно-то.

03:03:32

Вы слышали про то, что Хрущев объявил на XX съезде?

Не слышала. Даже не интересовалась почему-то.

03:03:49

Ну то есть развенчание культа личности, вот эту всю историю, она дошла до вас?

Я не касалась этой темы, если так сказать.

03:04:13

Юлия Георгиевна, я хотела еще уточнить. Получается, вы говорили, что вы ничего не знали о XX съезде. Вы не знали о судьбе отца до 1958 года? Или когда вы узнали? В каком году?

О судьбе? Наверное, знаете, когда? Когда мы с дочерью поехали туда, в Магадан. Что он умер в 1943 году, это было как раз в это время, где-то так. А так... Даже то, что я писала, я вам показала, что мне ответили, из личного дела отца. Вот видите, что это такое? Это безобразие, я скажу. Или не надо вообще ничего говорить, а если уж говорить, так говорить честно. Такая я была.

03:05:32

Но вы же получили реабилитацию отца уже в 1958 году.

Да.

03:05:39

Вот как это было, расскажите, пожалуйста.

Очень просто. Я туда написала, что у меня хороший отец, честный, хочу, хочу знать. Мне ответили как-то. И пришло вот такое письмо, справка такая, которую я заделала в бумажку.

03:06:20

А что там написано?

«Дело по обвинению Георгия Михайловича от 5 ноября 1938 года». Ну, кем он был, то-се. «Пересмотрено Военным трибуналом Сибирского военного округа 14 февраля 1958 года. Постановление от 3 мая 1940 года в отношении Бошкова отменено, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Бошков Георгий Михайлович по настоящему делу полностью реабилитирован посмертно».

03:07:17

Ну, то есть уже отсюда понятно, что отца нет в живых.

А я всё равно верила. Отца нет, а я всё равно верила. Я вам говорила, как я матери говорила: «Давай купим хотя бы спортивный костюм». Ну, вот так. Жила этим. Это больной вопрос для меня. Отец для меня больной вопрос. Я всю жизнь с этим прожила.

03:08:09

Он вам снился?

Ни разу. Я его и не видела, я только фотографии видела.

03:08:23

А вы как-то представляли себе вашу встречу?

Никак.

03:08:38

Может быть, вы ему писали какие-то письма?

Я просто с ним разговариваю всё время.

03:08:52

До сих пор?

В душе.

03:08:58

До сих пор?

Да. До сих пор.

03:09:04

А о чем вы разговариваете?

Да так, просто вспоминаю его. Больная тема отец мой.

03:09:32

Может быть, вы как-то... В какие моменты особенно вы с ним разговариваете? Когда вам хорошо или когда вам плохо?

А всегда. Хорошо — поделишься, а плохо — поплачешь.

03:09:54

А с мамой разговариваете?

Мама меня не любила. Ну, просто так получилось, что не нужна я была.

03:10:21

А почему вы так решили?

Ну, мама была откровенна. Так жизнь сложилась.

03:10:41

Она вам это прямо говорила?

Да... Ну как бы нет. Она сильно не ругалась, но...

03:11:00

А брата вашего она любила?

Да.

03:11:08

То есть вы чувствовали, что как-то она неровно к вам относится, да? Брата любит, а вас не очень, да? Как вы думаете, почему так было?

А?

03:11:34

Как вы думаете, почему так было?

Ну, не знаю. Просто так сложилась судьба, мне так кажется. Всяко по-разному уже.

03:12:05

Я много вопросов вам сегодня задавала. Может быть, я о чем-то вас не спросила, что бы вы хотели сказать?

Да нет, спасибо, что выслушали. Большое спасибо. [Показывает альбом] Я давно его уже не смотрела.

03:12:52

А вам что-то мама автора альбома рассказывала про эти рисунки?

Нет, она не рассказывала, она всё плакала: он погиб [нрзб]. Но ей очень хотелось, чтобы этот альбомчик сохранился. «Рисовал Вова, мой дорогой сыночек. Десятый... детский рисунок». Вот он рисовал.

03:13:35

А переверните там еще с той стороны.

Вот это вот он рисовал.

03:13:42

Мне кажется, это надо на бок перевернуть. Да, вот так.

А, вот как это надо.

- 03:13:53 **Да, да, да. Спасибо.**
- Ломоносов. Даже не написал бы, и то бы догадались.
- 03:14:20 **Так, что у нас там еще есть? Это Мария Волконская.**
- Угу.
- 03:14:34 **Давайте еще полистаем немножко, еще немножко полистаем и перейдем к фотографиям.**
- Давайте, давайте, давайте, давайте. Всё тут вот.
- 03:14:49 **Всё, спасибо. Давайте возьму. Еще хотела, вот мы про это не поговорили, про эти две книжки. Можете рассказать про них?**
- Ой, я ничего не могу сказать про них. Я просто знаю так и всё, никто не рассказывал же мне. Я вот когда уже собрала, что это он где-то в Праге учился. Где он только не побывал, отец. Учился, учился не там, где хотел. Наверное, где возможность была, не знаю.
- 03:15:34 **А откуда они, как они к вам попали?**
- Как попали? Это отцовские. Наверное, у него были, и когда этот обыск-то, или как это называется, делали, всё это забрали. А потом, я не знаю, как они вернулись, не знаю. Их, наверное, не заинтересовало просто, они не взяли. Что? Тяжело стоять?
- 03:16:17 **Ну то есть, скорее всего, это было в следственном деле, да?**
- А?
- 03:16:22 **Может быть, да, это, наверное, было в следственном деле, да. И, возможно, это вам отдали как раз на той встрече, где вас облили водой? Нет?**
- Нет, мне там ничего не дали, когда водой облили. Абсолютно ничего. До этого, это раньше было, это раньше. Это мама, по-моему, их сохранила, я так думаю. Никто мне ничего не рассказывал, брат тем более. Ну, всё равно хорошо, спасибо, что это сохранили. Так. Хоть какой-нибудь карандашик или палочку, Настя.
- 03:17:12 **А вот у меня есть ручка.**
- А вот, спасибо. Вот фотографии. Настя, а ты-то знаешь? Это бабушка моя. Это моя мама. Это тетя Надя. Это тетя Зина, а это тетя Галя. Я ее обидела, когда стала взрослая, я ее обидела и очень жалею. Ну, не скажешь ничего. Это вот всё их семейство такое, но я их не знаю. Это мама, это Надя. Это тетя Зина, это тетя Галя. Бабушка, это ее сестра, а это их дети. Вот остальные. Тетя Галя еще. Бабушка Юлия Станиславовна. А книг-то!
- 03:18:29 **Как вы думаете, сколько ей лет здесь?**
- А?
- 03:18:34 **Как вы думаете, сколько вашей бабушке лет здесь?**
- Не знаю, близко даже не знаю.

- 03:18:43 **А это она уже в доме в Бийске?**
В Бийске. Это она в своем доме в Бийске, в Бийске, это вот там маленький такой уголочек был.
- 03:18:55 **Это там, где вы жили?**
Угу. Это я уже говорила, это бабушка, мама, Надя, Зина и Галя.
- 03:19:07 **Да, это мы уже видели. А вот на этой фотографии кто, расскажите?**
А вот это какая-то женщина жила с ними. Это дедушка. Володя, как дедушку звали?
- 03:19:25
Константин Михайлович.
- 03:19:27
Константин?..
- 03:19:30
Михайлович.
- 03:19:30
Забыла, как его звали. Филиппов. Это его жена, Юлия Станиславовна. Дочери Евгения, Надежда, Зинаида и Галина. А эта с ними жила, они ее как-то держали. Пожилая женщина просто жила с ними.
- 03:19:58 **А покажите, где ваша мама?**
Мама моя вот эта. Вот эта вот.
- 03:20:06 **Она была младшей дочерью?**
Она старшая была, самая старшая, а младшая была вот эта. Это вот тоже моя мама и баба Надя, Надежда Константиновна.
- 03:20:29 **А что там написано на обороте?**
1927 год.
- 03:20:38 **Это уже ваша мама вышла замуж?**
Нет. Но она только за отца выходила, больше ни за кого.
- 03:20:54 **Вот мы еще много говорили про... Я только не вижу, где вторая фотография его.**
Это вот дедушка.
- 03:21:05 **Да, вот расскажите, кто это изображен?**

Вот это точно дедушка, а вот это — не знаю. Или это не мой дедушка, а это Дамиан Георгиевич. А вот это похоже на Дамиана Георгиевича, а на дедушку не похож, на моего родного дедушку. Наверное, тоже Дамиан Георгиевич, только в разное время. Вот это. А вот это вот семья Бошковых. Вот это Михаил. Его жена, наверное, жена, она вот эта. Это тетя Гина. Это вот, по-моему, Пантюша. Это не Пантюша. Старший был Бошков, отец. Это, наверное, отец. А тут пошли Пантюша, еще, еще, еще, я их не знаю.

03:22:12

А чья это семья, я не поняла? Чья это семья?

Это Михаил Георгиевич Бошков.

03:22:26

То есть это прадед ваш?

Да, да. Нет, дед, наверное, дед. Это отец. Отец отца. Отец моего отца.

03:22:40

А, то есть это дед по отцовской линии.

Да, да.

03:22:44

А, всё, поняла. А там был дед по материнской. Всё.

Вот.

03:22:54

Так. Это мы уже прошли. Вот еще вот эта прекрасная фотография.

Ну, а эта фотография — все женщины дедушкины. Бабушка Юлия Станиславовна, Евгения, Надежда, Зинаида и Галина.

03:23:18

А это какой год может быть?

Тут что-то написано. Январь. Непонятно.

03:23:40

Январь 1927-го.

03:23:41

Ну, сколько им здесь? Тетя Галя маленькая еще. Мать взрослая. Бабушка еще живая, вон какая хорошая. Не знаю уже. Это поселок Транспортный в Магадане. Я утираю слезы, потому что устанавливают памятник, что здесь похоронены репрессированные. Это было 30 октября 2019 года. Вот это. Это Георгий Михайлович молодой, он учился в Праге когда. Это вот батюшка освящает вот этот памятник, крест. Это поставлен всем репрессированным. Это вот мы, Инна Васильевна, которая принимала огромное участие, чтобы поставить этот памятный знак, и Бошкова Юлия Георгиевна, и Харламова Анастасия. А вот здесь фотография Георгия Михайловича. Мы постеснялись с дочерью снять ее. Вот эта маленькая женщина, которая одна знала, где это кладбище, и за два года она показывала нам его, а когда мы приехали устанавливать, там уже был, как он называется, кустарник-то этот, что у нас в саду растет?

03:26:09

А что это за женщина?

Вот эта показала. Она местная жительница, до сих пор там живет. А это батюшка приезжал специально. Он, между прочим, тоже из Болгарии, ну вот из этой Гагаузии и всех-всех-всех знает родственников Бошковых, всю фамилию. Это Юлия Георгиевна вместо цветочков папе принесла. Это мой папочка Георгий Михайлович. Эх, папа, вот помру — и встретимся. Понял? Не узнаешь меня. Это вот батюшка разводит костер, что-то там готовит, чтобы освятить.

Молодец он. Это папа, он еще совсем молодой, еще где-то там пока доучивался, за границей. А это мои родители, мама и папа. Еще Шурика не было здесь. Вот фотография на дереве там. Бошков Георгий Михайлович. Да. Да, вот такое дело получилось. Бошков Георгий Михайлович. Этот камень, он был около НКВД, там расстреливали всех. Его перенесли сюда, вот этот камень большой, оставили, и принесли на кладбище где-то там, и оставили, ну, память такую там. Это Бошков Георгий Михайлович. А здесь... Ох, это 1901 год. Сел... Это какая-то церковь, не знаю, это что-то такое. Это, наверное, не знаю, это из книг, каких-то метрических книг. Шурик где их взял, я не знаю. Отец еще, который был в Гагаузии. Это уже он в Праге где-то. Это... Какой-то... Настя, ты знаешь, может быть, этот язык? Я не знаю. Ну, это что-то из его бумаг, которые, когда арестовали, и забрали. Это он одинокий тут. Да я здесь. Это квалифик[ационное свидетельство] тоже на Георгия Михайловича. Это свидетельство. Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства по землеустроительному факультету. Это был 1929 год. Это уже в России. Это женился, да? Евгения Константиновна. Да. Это вот они насмехнулись, наверное, дали такую фотографию. Как будто... Отец. Протокол обыска. Что изъяли? Зачетная книжка одна. Справка из Праги. Извещение какое-то. Еще... Непонятно. Разная переписка была. Это... «Прокуратура Алтайского края сообщает, что ваше заявление о пересмотре дела вашего отца Георгия Михайловича направлено помощнику военного прокурора Сибирского военного округа по Алтайскому краю для разрешения по существу, куда вам и следует обращаться». Так. Это было в 1956 году. «Получили, Юлия Георгиевна? Всё». Так, и здесь прокуратура. «Военный прокурор сообщает... Прокуратуру... Отправлено в прокуратуру Алтайского края». Теперь уже какой-то Некрасов. «О результатах разрешения вашей жалобы сообщим дополнительно». И в 1957 году пишете: «Сообщаем, что дело вашего отца Бошкова Георгия Михайловича проверяется. В конце ноября оно будет направлено военному прокурору СибВО». Это был ноябрь 1957 года. Так. А в 1958 году-то я и получила чего-то. Когда? Это январь 1957 года. «Проверка по делу вашего отца Георгия Михайловича закончена, и дело вместе с вашим заявлением направлено военному прокурору Сибирского военного округа. Решение по делу вам будет сообщено военным трибуналом». Примерно в феврале 1958 года. Вот в феврале 1958 года я получила. Сколько там было... Когда я начала это? Ну-ка, посмотрим. Сколько шло? Первое где? А, слушай. Было-то было. Вот, наверное, где. Сейчас посмотрим. Вырезала всё. С 1956 года — январь, февраль, март — с апреля. И пришло только в феврале, 20-го. Апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Это прошло два года, чтобы реабилитировать отца. Ну, Юлия Михайловна, вам не привык[ать]. Георгиевна, вернее, не привыкать. Подождали, зато получили. Вот так. Ну ладно. Шалагина. А здесь что? А это уже Евгения Константиновна «просит сообщить о судьбе Бошкова Георгия Михайловича 1901 года рождения, уроженца села Кубей Аккерманского уезда. Гражданку Бошкову уведомляем о пересылке заявления, куда впредь рекомендуем обращаться. Заявление и проверки всего на четырех листах». Но ничего нет. Проверки, уже ведь проверили, уже ведь это... Где число-то? Не стоит. Ну ладно. А это «Георгий Михайлович, село Кубей. Умер 15 апреля 1943 года. За получением свидетельства о смерти вам следует обратиться в ЗАГС». Свидетельство о смерти. Умер 15 апреля 1942 года. Ясно. Здесь что-то еще было, но нету. Нет, это я не буду печатать, читать я не буду, это я не могу.

03:38:05

Хорошо.

Это отец пишет куда-то им.

03:38:10

Это отец?

«От подсудимого». Я не могу это читать. Да, это знаешь, столько их этих.

03:38:28

Нифига себе, это я не видела.

03:38:31

Это из дела. Уже из этого дела.

03:38:35

А это кто? Откуда оно было? Вообще. 1939 год, нифига себе. Я первый раз это вижу.

- 03:38:42 Я просила, говорю: «Хоть покажите, как он расписывается». Надо мной так смеялись.
- 03:38:51 Ну это деда Шура где-то получил.
- 03:38:54 Он почти как Шурик.
- 03:38:56 Нет, это он получил, наверное, откуда он это получил? 177-я страница дела.
- 03:39:03 Да, а там какой-то другой. Это моя мама Евгения Константиновна, уже старенькая. Сколько же тебе здесь лет-то, мама? Вы теперь с Шуриком. Ладно. Эх, вот первый листик — и почему он сломался, не знаю. Не смотри на меня строго, ну что ты? Вот всё.
- 03:40:24 **Спасибо вам большое.**